

Крадущаяся тень

Автор:

Джонатан Страуд

Крадущаяся тень

Джонатан Страуд

Агентство «Локвуд и компания» #4

С тех пор как я добровольно ушла из агентства Локвуда, многое в моей жизни изменилось. Ну, во-первых, я стала работать фрилансером, во-вторых, меня едва не убили, а моего призрачного приятеля – череп в банке – похитили. И пришлось мне обращаться за помощью к старым друзьям. Расследование привело нас на черный рынок, где торговали краденными Источниками с заключенными в них опасными и редкими призраками. И мой череп им пришелся очень даже по вкусу. Но как всегда и бывает, маленькое открытие тянет за собой большое, распутывая клубок преступлений. Кажется, теперь мы вплотную приблизились к разгадке Проблемы – нашествию призраков на Англию. Но правда бывает слишком опасной, особенно если двое бесстрашных агентов, каковыми мы с Локвудом и являемся, отважатся заглянуть за грань – в мир призраков...

Джонатан Страуд

Крадущаяся тень

© Мольков К.И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Луису, с любовью

I

Две головы

1

Присутствие мертвеца я почувствовала сразу же, как только вошла в освещенный лунным светом офис и за мной закрылась дверь. Почувствовала по тому, как начало покалывать иголочками кожу у меня на голове, зашевелились и встали дыбом волоски на руках, по тому, каким холодным стал воздух, которым я дышу. О близком присутствии призрака говорила и затянувшая все окно паутина – густая, плотная, блестящая от инея. А еще были звуки, точнее, долетавшие из глубины времен отзвуки, которые я начала улавливать еще внизу, в холле, и продолжала слышать потом, когда поднималась сюда по лестнице. Шорох ткани, треск бьющегося стекла, стоны умирающей женщины. Здесь, в офисе, все эти звуки стали громче. А еще появилось ощущение, что за мной внимательно следит нечто злое и очень опасное.

Должна добавить, что если бы я вдруг сама не почувствовала всего этого, о присутствии мертвеца меня предупредил бы пронзительный крик, раздавшийся – неслышно для всех других, кроме меня, – из висевшего за моей спиной рюкзака.

– Эй! Внимание! Призрак!

– Заткнись, – ласково сказала я, оглянувшись через плечо. – Без тебя знаю. Ну, обнаружили мы с тобой фантом, зачем же такую истерику устраивать?

– Она здесь, здесь! Она смотрит прямо на тебя своими пустыми глазницами! О, я вижу, как она скрипит зубами!

– А тебя-то это почему так волнует? – хмыкнула я. – Ты же череп. И давно умер. Успокойся.

Я сняла рюкзак, опустила его на пол, откинула верхний брезентовый клапан. В рюкзаке светилась дымным зеленоватым светом большая призрак-банка из серебряного стекла, к донышку которой был привинчен череп. Он прижал свое жутко искаженное полупрозрачное лицо к стенке банки, расплющив нос и дико ворочая по сторонам своими похожими на вареные яйца глазами.

– Ты просила меня предупреждать тебя об опасности или не просила? – сказал череп. – Просила – получай. Эй! Тревога! Она здесь! Призрак, призрак! С костями! С волосами! Кошмар! А-а!

– Будь любезен, заткнись, пожалуйста, – я почувствовала, что против моей воли крики черепа действуют на меня, причем самым неприятным образом. Все это время я не переставала осматривать комнату, с особым вниманием присматриваясь к затененным местам, ища следы возвратившегося в наш мир мертвеца. Видеть, честно говоря, я ничего не видела, но продолжала смотреть – это занятие несколько успокаивало мои натянутые из-за криков черепа нервы. Сегодня мне достался очень необычный, можно сказать, редкостный призрак. Вынув банку с черепом и отставив ее в сторону, я принялась лихорадочно рыться в своем рюкзаке, доставая из него солевые бомбы, флаконы с настоем лаванды и железные цепи.

А в голове у меня продолжал звучать голос черепа.

– Если ты ищешь зеркало, Люси, то оно привязано веревочкой к задней стенке рюкзака.

– Ах, да... верно.

– Сама его туда привязала и забыла.

– Да-да, правильно.

Череп внимательно проследил за тем, как я отвязываю зеркало, затем спросил:

– Нервничаешь, да?

– Ерунда. Нисколько.

– Ни капельки?

– Ни капельки.

– Ну-ну, как скажешь. Между прочим, та тварь уже совсем близко.

Все, хватит болтать. Спустя две секунды я уже выпрямилась, держа в руке небольшое зеркальце.

Я уже упоминала о том, что сегодня мне достался необычный призрак. Необычный потому, что его нельзя было увидеть просто глазами, даже агенту с очень сильным экстрасенсорным Зрением. Предполагалось, что сегодняшней Гость – это призрак ужасной Эммы Марчмент, леди, жившей здесь в начале восемнадцатого века, когда этот особняк был еще частным домом (сейчас его перестроили под офисное здание страховой компании). При жизни Эмму обвиняли в занятиях черной магией, подозревали виновной в смерти нескольких родственников, после чего ее саму убил муж. Он зарезал Эмму обломком стоявшего у нее на туалетном столике зеркала, которое перед этим разбил. Теперь призрак Эммы появлялся только в виде отражений – в зеркалах, окнах, на полированных металлических поверхностях, и несколько работников страховой компании уже поплатились жизнью, попав в ее поразительно мощный призрачный захват.

Так что справиться с призраком Эммы Марчмент, как вы понимаете, было непростой задачей. Доставшаяся мне сегодня команда вооружилась ручными зеркалами, агенты медленно ходили с ними по дому, то и дело с испугом оборачиваясь через плечо. Мне до этой минуты зеркало было ни к чему, я полностью полагалась на свои чувства и прислушивалась к звукам, однако теперь пришла пора и самой за него взяться.

Я подняла зеркальце так, чтобы видеть в нем отражение комнаты.

– Симпатичная вещица, – прокомментировал череп, глядя на мое зеркало. – Оправа из хорошего пластика. А какие прелестные пони и радуги у него на ободке нарисованы!

– Купила его в магазине игрушек, – пояснила я. – Искать что-нибудь другое у меня просто времени не было.

На поверхности зеркала играл обманчивый лунный свет. Я глубоко вдохнула, прижала локоть к груди, чтобы не дрожала рука. Постепенно отражение стабилизировалось, стала четко видна решетка оконного переплета, обрамленная с обеих сторон дешевыми занавесками. У подоконника стоял рабочий стол и стул. Я начала поворачивать свое зеркальце, в нем проплыли освещенный лунным светом пол, еще один стол, канцелярские шкафы, горшок с каким-то свисающим вниз растением на обшитой темными панелями стене.

Сейчас эта комната стала обычным, унылым на вид офисом, но когда-то здесь была спальня. Место, где люди выясняли свои отношения, давали волю своему гневу и ревности, где бывшая любовь переходила в ненависть. Хочу заметить, что нигде не появляется так много призраков, как в спальнях.

Неудивительно, что именно здесь нашла свой конец и Эмма Марчмент.

– Я ее не вижу, – сказала я. – Череп, где она?

– В дальнем правом углу. Наполовину снаружи, наполовину внутри штуковины, которую в мое время называли бюро. Она широко раскинула руки, словно хочет обнять тебя. О, какие у нее длинные ногти!

– Что ты раскудахтался, как торговка рыбой на базаре? Хватит меня пугать, не на такую напал. Лучше скажи, если она вздумает двинуться в мою сторону. Я хочу немедленно знать об этом. И кончай трепаться.

Я старалась говорить твердо, уверенно, спокойно. Никогда не показывай свой страх и тревогу, потому что отрицательные эмоции делают призраков сильнее, они питаются ими. Это прописная истина для каждого агента. Тем не менее всегда нужно быть наготове, поэтому моя свободная левая рука плавно легла на пояс, как раз между пристегнутой на липучке рапирой и магниевыми вспышками.

Я ненадолго отвела взгляд от зеркала. Да, верно, стоит что-то вроде бюро вон там, справа. Угол очень темный, туда едва долетает лунный свет. Как ни напрягай глаза, как ни прищуривайся, много в том углу не увидишь.

Впрочем, постойте-ка, постойте... Я снова уставилась в зеркальце и начала медленно поворачивать его, над столами, мимо свисающего растения, дальше, дальше вдоль обшитой темными панелями стены, к тому углу, где притаилось бюро – письменный стол с полками и выдвижными ящиками для бумаг.

Есть! В зеркальце показался покачивающийся в воздухе призрак.

Хотя я и ожидала увидеть ее, но все равно едва не выронила зеркальце.

Тощая костлявая фигура, закутанная во что-то белое, похожее на саван. Мертвенно-бледное лицо, обрамленное дымкой длинных спутанных волос. Черные, как ночь, глаза смотрят прямо на меня, белая кожа облепила череп как расплавленный воск. Голова держится на тонкой цыплячьей шее. Рот призрака широко раскрыт, белое платье-саван покрыто темными пятнами. Эмма держала свои руки поднятыми, медленно сжимая и разжимая костяные пальцы.

Ногти у нее на пальцах действительно оказались очень длинными.

Я сглотнула. Без зеркальца или без подсказки черепа я могла бы подойти к этим пальцам вплотную, и тогда...

Но об этом лучше не думать, сейчас, по крайней мере.

– Вижу ее, – сказала я.

– Классный призрак, правда, Люси? Ну, а теперь выбирай, чего тебе больше хочется, жить или умереть?

– Жить, разумеется.

– В таком случае зови остальных.

– Нет, рано еще, – у меня снова задрожала рука, а вместе с ней и зеркальце. Естественно, пропало и отражение призрака Эммы Марчмент. Я собралась с мыслями перед тем, как сделать то, что задумала.

– Я понимаю, что они тебя раздражают, но тут такое дело, что тебе в одиночку никак не справиться. Пора привыкать, что так теперь будет всегда...

– Уже привыкла.

– Потому что Локвуд...

– При чем тут Локвуд? Какое мне дело до Локвуда? – взвилась я. – Послушай, ты можешь заткнуться, наконец? Ты же знаешь, мне сейчас нужна абсолютная тишина.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и поводила по сторонам зеркальцем, пока в нем снова не появилось жуткое лицо, обрамленное похожими на сахарную вату волосами.

За это время она подобралась ближе ко мне? Возможно. Во всяком случае, мне показалось, что отражение ее лица стало крупнее. Или только показалось?

– Только не говори, что ты решилась на эту глупость! – снова заволновался в своей банке череп. – Это была старая злая ведьма, и теперь она мечтает только о том, чтобы добраться до тебя. Не будь идиоткой, не пытайся вступить с ней в разговор!

– Я буду делать то, что хочу, и, между прочим, глупостью это не считаю, – я повысила голос и спросила: – Эмма? Эмма Марчмент, я вижу тебя. Я слышу тебя. Скажи, что ты хочешь? Скажи, и я смогу тебе помочь.

Я действовала так, как привыкла. Старалась докопаться до самого донышка. Для этого существует моя фирменная формула, которую я открыла для себя и много раз проверила на практике долгими темными ночами в эту бесконечную Черную зиму. Формула Люси Карлайл проста. Заговори с призраком. Называй его по имени. Задавай вопросы. Держись спокойно и просто. Это самый верный способ заставить Гостя вступить с тобой в разговор.

Хотя, если честно, иногда моя формула не срабатывает. Или срабатывает самым неожиданным образом, совсем не так, как тебе хотелось бы.

Я внимательно наблюдала за отражением бледного лица в зеркале. Напрягла свой внутренний слух, который был моим самым главным Даром. Череп скептически фыркнул и вздохнул в своей банке, но я старалась его не слышать.

Затем по бывшей спальне пронесся тихий шорох, долетевший сюда сквозь толщу времени, из другого пространства.

Были ли это слова?

Нет. Просто шелест окровавленной ночной сорочки и судорожные предсмертные вдохи.

Все, как всегда. Одна и та же заезженная пластинка.

Я открыла рот, чтобы повторить свой вопрос, и тут чуть слышно прозвучало:

– ... у меня пока еще есть...

– Череп, ты слышал?

– Едва-едва. Один хрип. Впрочем, винить ее за это нельзя – удивительно, что она вообще смогла хоть что-то сказать, когда у нее горло перерезано. А вот что у нее до сих пор есть? И где? Вопрос, конечно, интересный...

– Тсс! – я сделала свободной рукой широкий приглашающий жест и продолжила: – Эмма Марчмент, я слышу тебя! Если хочешь обрести вечный покой, прежде всего доверься мне. Скажи, что у тебя до сих пор есть?

– Люси? – прозвучал голос у меня за спиной.

Я вскрикнула, выхватила из петли-липучки свою рапиру. Стремительно обернулась с обнаженным клинком, слыша, как гулко бьется в груди мое сердце. Дверь бывшей спальни открылась, в ее проеме стоял высокий худой юноша, его фигура темнела на фоне плывущих в свете фонаря клубов серебристого дыма от

магниевого вспышки. Одну руку он положил себе на бедро, вторую на эфес рапиры. За спиной юноши покачивались длинные фалды его плаща.

– Люси, что ты делаешь?

Я еще успела бросить взгляд на зеркальце, увидела, как полупрозрачная бледная тень поднимается в воздух, втягивается, словно струйка дыма, в стенную панель позади бюро и исчезает.

Итак, призрак ушел сквозь стену... Любопытно, любопытно...

– Люси?

– Все в порядке, все в порядке, можешь войти, – я убрала рапиру в петлю-липучку и кивнула головой. В комнату вошел Тед Дейли, агент второго класса и лидер команды, которую выделило мне сегодня агентство «Ротвелл».

Не поймите меня неправильно, я не жалуюсь. В моей новой жизни агента-фрилансера было много положительных сторон. Я могла сама выбирать, за какую работу мне взяться. Работала столько, сколько захочу и когда захочу. Я смогла даже заработать и укрепить свою собственную репутацию. Правда, были в работе фрилансера и отрицательные моменты, и главный из них – невозможность взять себе в партнеры знакомых проверенных оперативников. Каждый раз приходилось идти на задание с теми, кого сочтет нужным дать мне агентство, которое наняло меня. Одни оперативники были очень даже ничего себе, другие... Ну, скажем мягко, другие были наподобие Теда Дейли.

Если смотреть на Теда издали и при слабом освещении, он выглядит довольно сносно, особенно если стоит к вам спиной, но при более близком рассмотрении это весьма печальное зрелище. Нескладный, долговязый юноша с цыплячьей шеей, печальными глазами, слишком длинными руками и ногами и вечно полуоткрытым ртом. Подбородок у него, можно считать, совершенно отсутствовал. Голос у Теда был, что называется, «козлиным», и это впечатление только усиливалось из-за его мелочных придирок и суеты по пустякам. Как лидер своей команды, он формально был в эту ночь и моим командиром тоже, только знаете, видала я таких командиров...

Посмотрев на то, как Тед суется повсюду, размахивая своими нескладными длинными ручищами, как курица крыльями, убедившись в том, что он практически не обладает никаким серьезным Даром, я просто перестала обращать на него внимание.

– Мистер Фарнаби требует рапорт.

– Что, опять?

– Он хочет проверить, как у нас идут дела.

– Перебьется. Я засекала призрак, сейчас мы им займемся. Позови остальных.

– Нет, мистер Фарнаби говорит...

Но было уже поздно. Я знала, что остальные топчутся возле двери. И действительно, сразу вслед за моими словами в комнату проскользнули еще две фигуры, и наша команда предстала передо мной во всем своем блеске.

Что и говорить, жалкое это было зрелище. Тина Лейн, оперативница третьего класса из агентства «Ротвелл» – тусклая, совершенно бесцветная девушка с бледным безжизненным личиком и волосиками цвета отбеленной соломы. Она говорила так тихо, что каждый раз приходилось наклоняться ближе, если хочешь расслышать, что она там лепечет. А поняв, что ничего толкового она все равно не скажет, можно было просто выпрямиться и, уже ничего не слушая, спокойно идти дальше по своим делам.

Следующий и последний член команды – Дейв Исон, оперативник из агентства «Ротвелл» (тоже третий класс). Он, пожалуй, был лучшим из них троих. Чутьку лучше. Темнокожий, низенький и агрессивный, похожий на рассерженный древесный пень. Мне показалось, что у него неплохие природные задатки, но общение с Гостями сделало его пугливым, и поэтому он слишком спешил соваться со своей рапирой куда надо и куда не надо. У Тины на лице даже был шрам, который Дейв оставил ей на одном из заданий.

Между прочим, он и меня сегодня дважды едва не проткнул, случайно увидев в своем зеркале мое отражение.

Никакая Тина, безбашенный трусливый Дейв и дерганный Тед. Не команда, а мечта всей жизни! Странно, что призрак, за которым мы охотимся, сам до сих пор не удавился или не испарился от страха.

Увидев меня, Дейв сразу принялся истерить, да так, что у него даже жилы на шее надулись.

– Где ты была, Карлайл? Ведь здесь мы имеем дело с опасным призраком второго типа, и мистер Фарнаби...

– ... приказал нам держаться вместе, – перебил его Тед. – Мы должны быть единым кулаком. Ты не имеешь права спорить со мной и отрываться от остальных. Ты должна слушаться меня, Люси. Я только что сказал, что должен немедленно явиться к мистеру Фарнаби с рапортом, или...

– Или, – теперь уже я перебила его, – мы, наконец, закончим свою работу. Рапорт или работа, Тед, выбирай.

Я наклонилась и закрыла свой рюкзак. Трое моих сегодняшних коллег ничего не знали про череп, и я хотела, чтобы так оставалось и дальше. Потом я выпрямилась, положила руку на эфес рапиры и разразилась непривычно длинной для меня речью.

– Послушайте, нет никакого смысла тратить время на то, чтобы вести бесконечные переговоры со своим надсмо-трщиком... Пардон, инспектором, или как там его. Мистер Фарнаби взрослый, он ничем не может помочь нам, вы же сами должны это понимать. Поэтому нужно действовать по собственной инициативе. Я обнаружила вероятное место, где находится Источник. Призрак исчез сквозь стену вон за тем бюро в дальнем углу. Насколько мне помнится, в старинных отчетах об этом убийстве как раз говорится о том, что Эмма Марчмент скрылась от своего мужа в потайной комнате. Вломившись в нее, стражи порядка обнаружили Эмму именно в этой комнате, она лежала мертвой среди своих горшков и снадобий. Отсюда я делаю вывод, что потайная комната находится где-то в этом месте, за стеной. Присоединяйтесь ко мне, и закончим с этим делом. Ну, как, договорились?

– Ты у нас не старшая, – сказал Дейв.

– Не старшая, зато я знаю, что нужно делать. Этого мало?

Повисло молчание. Лицо Тины, как всегда, ничего не выражало, а Тед поднял руку и все твердил, как заведенный, покачивая из стороны в сторону своим указательным пальцем:

– Но мистер Фарнаби сказал...

Сдержаться было очень тяжело, но за последние несколько месяцев я неплохо научилась справляться с собой. Слишком много я за это время повидала именно таких вот, с позволения сказать, агентов – ленивых, бестолковых, бесполезных, пугливых или просто никаких. И все они точно так же ходили на задних лапках перед своими взрослыми начальниками, и точно так же никогда не умели действовать как единая команда.

– Вот что я предлагаю, – сказала я. – Дверь потайной комнаты находится рядом с этим бюро. Один из нас отыскивает ее и проникает внутрь. Остальные охраняют его, наблюдая в свои зеркала и, разумеется, держа наготове солевые бомбы и рапиры. Мы находим Источник, нейтрализуем его, и с призраком будет покончено. И произойдет это раньше, чем ваш мистер Фарнаби успеет наполовину осушить свою фляжку. Ну, кто со мной?

Тина молча моргала своими белесыми ресницами. Тед перебирал пальцами по рукояти своей рапиры. Дейв просто стоял, уставившись в пол.

– Вы это можете, – настойчиво пыталась убедить их я. – Вы хорошая команда.

– Какая они команда? – раздался у меня в голове шепот черепа. – Лузеры сопливые. Знаешь, что я тебе скажу? Они все заслуживают того, чтобы отправиться в объятия призрака. Все до одного. Надеюсь, что вскоре так и случится.

Внешне я никак не отреагировала на слова черепа, продолжала улыбаться и стоять на своем. Мои лузеры ничего не говорили мне в ответ, однако и не спорили больше со мной, и по их молчанию я поняла, что победила.

Пять минут на подготовку, и мы приступили к делу. Отодвинули в сторону часть столов, чтобы освободить для себя рабочее пространство. Выложили на полу защитный полукруг из железных цепей, он отгородил весь угол, в котором находилось бюро. Внутри этого полукруга мы поставили три зажженных фонаря, направив их лучи на стену. Я вошла в полукруг с привязанным к поясу зеркальцем, с рапирой в руке, готовая приступить к поискам потайной двери. Трое моих компаньонов остались с внешней стороны полукруга и встали с зеркалами в руках так, чтобы видеть в них отражение всего угла комнаты, в котором я заметила призрака. Я только раз оглянулась на них, чтобы удостовериться в том, что нахожусь в безопасности. Пока что во всех трех зеркалах отражалась только я сама и больше никто.

– Хорошо, – сказала я, стараясь подбодрить свою инвалидную команду. – Все отлично. Вы просто молодцы, ребята. Я начинаю искать потайную дверь. Следите за своими зеркалами.

– Восхищаюсь твоей смелостью, – проскрипел из рюкзака мой череп. – Эти кретины с трудом ноги волочат, а ты собираешься доверить им свою жизнь. Лично я бы не рискнул.

– Справятся, – тихо, так, чтобы никто не расслышал, ответила я, направляя луч своего фонаря на обшитую темными панелями стену.

Интересно, как открывается эта потайная дверь? С помощью скрытого рычага? Кнопки? А может, нужно просто нажать рукой на нужную доску, и дверь поднимется на противовесе? Дверь остается закрытой уже много-много лет. Возможно, за это время ее успели замуровать, тогда придется проламываться насквозь. Я повернула фонарь, осветила стену под другим углом. Теперь один участок стены показался мне более блестящим, чем остальные. Я попробовала нажать на него. Ничего не произошло.

То есть внешне ничего не произошло, а своим внутренним слухом я уловила тихий треск, словно где-то вдалеке наступили ногой на осколки стекла.

Ту женщину, Эмму Марчмент, резали осколком зеркала. У меня сжался желудок, но я постаралась скрыть свое волнение и абсолютно спокойно, почти равнодушно спросила:

– Есть что-нибудь в зеркалах?

И еще раз нажала на стенную панель.

– Нет, все чисто, все в порядке, – ответил Дейв. Голос его звенел от напряжения.

– Становится холоднее, – заметил Тед. – Причем температура падает очень быстро.

– Хорошо, – я и сама чувствовала холод. Деревянные панели на ощупь уже казались совсем промерзшими. Я ударила по панели своими окоченевшими, покрытыми холодным потом пальцами, и на сей раз она слегка поддалась.

Снова захрустело стекло.

– Она возвращается, вытягивает себя из своего прошлого, – предупредил череп. – И ей не нравится то, что ты здесь делаешь.

– Кто-то рыдает, – сказала Тина.

Я тоже услышала этот звук, полный отчаяния и гнева, эхом отзывавшийся в пустом пространстве. А следом послышался новый звук – мокрый шелест пропитанной кровью ткани...

– Всем следить за зеркалами, – приказала я. – И постоянно докладывать о том, что вы видите.

– Все чисто.

– Становится холоднее...

– Она очень близко.

Я снова, еще сильнее, нажала на стену, и на этот раз моих усилий хватило. Панель со скрипом повернулась на петлях, поднимая клубы пыли и утаскивая на себе лохмотья оборванной паутины.

А что за ней? Только тьма.

Я вытерла выступивший у меня на лице пот. Почувствовала, как замерзли обе ладони и лоб.

– Готово! – сказала я. – Как и было обещано – потайная комната. А теперь нам всем нужно войти внутрь.

Я обернулась к своей команде, широко улыбнулась им, и...

И заглянула в их зеркала.

В них, во всех трех, отражалось мое бледное лицо, а за ним, совсем близко, вдруг появилось другое лицо, обтянутое белой, как расплавленный и застывший воск, кожей. Я увидела бледные облачка волос Эммы, ее оскаленные зубы – мелкие, острые и красные, как дольки граната. Увидела темные блестящие глаза и, в последнюю долю секунды, заметила тянущиеся к моему горлу костяные пальцы с длинными ногтями.

2

На появление призрака Эммы Марчмент все члены моей команды отреагировали по-своему. Тина взвизгнула и уронила свое зеркало. Тед отскочил назад, словно кот, которого облили водой. Только Дейв продолжал держать свое зеркало – точнее, пытался держать, – шаря свободной рукой у себя на поясе. Я? Зеркало Тины еще не успело упасть на пол и разбиться, а я уже обернулась назад и резко взмахнула своей рапирой. У себя за спиной я, разумеется, никого не увидела, но поняла, что попала в цель, потому что на клинке зашипел, задымился сгусток эктоплазмы.

Я вновь энергично взмахнула рапирой вперед, назад, в стороны...

– Пустая трата времени, – раздался голос черепа. – Она вернулась назад за стену.

– Почему ты сразу не сказал этого? Я задела ее рапирой. Сильно задела?

– Мне трудно было рассмотреть, ты так неуклюже суежилась со своей рапирой, что мешала видеть.

– Хорошо, а куда?..

Договорить мне не дала отшвырнувшая меня в сторону вспышка соли, железных опилок и магния. На секунду в комнате стало светло, как днем. После темноты казалось, что ты упал прямо на Солнце. Потом огонь погас и снова со всех сторон сомкнулся мрак, а я тем временем лежала на груди пепла и тлеющих угольков. В ушах у меня звенело, волосы свалились вперед и закрывали мне глаза.

Я неловко поднялась на ноги, потерла ухо, постояла, опираясь на свою рапиру. Сквозь дым я увидела Теда и Тину, они испуганно следили за мной из дальнего угла комнаты. Рядом с ними низко припал к полу похожий на маленькую коренастую пантеру Дейв, в руке у него была еще одна вспышка.

– Я угрожал ее? – спросил он.

– Нет, Дейв, – ответила я, сбивая со своего рукава маленький язычок белого пламени. – Не угрожал. Хотя бросок получился что надо. Вторую вспышку не швыряй, нет смысла. Эмма скрылась в потайную комнату, – я закашлялась и выплюнула изо рта комок мокрого пепла. – Нам нужно пойти следом и закончить с ней. Мы... Да, Тед? – не договорила я, увидев, что он поднял вверх свою руку.

– У тебя кровь из носа течет.

– Знаю, – я вытерла нос рукавом. – Но все равно спасибо, что заметил и сказал. Итак, мы должны пойти следом за Эммой. Кто со мной?

Все трое застыли, словно превратились в камень. Их страх был настолько сильным и плотным, что ощущался как пятый член нашей команды, зашедший в эту комнату. Все они не отрываясь смотрели на отверстие в стене. Я подождала, пока не растаяли в воздухе последние облачка дыма, мешавшие мне видеть лица своих... э... коллег.

– Мистер Фарнаби говорит... – начал Тед.

– Какое мне дело до того, что говорит мистер Фарнаби! – крикнула я. – Здесь-то его нет! Он не рискует своей драгоценной жизнью вместе с нами! Подумайте хоть раз своими собственными мозгами.

Я подождала. Никакого ответа не последовало. Меня переполняли гнев и нетерпение. И тогда я повернулась к потайной двери. Одна.

Я все еще ощущала струю холода, которая стремилась внутрь потайной комнаты вслед за призраком, словно шлейф за платьем невесты. Боковая стенка бюро блестела, покрывшись кристалликами льда. Стенные панели тоже покрылись морозным рисунком инея. Я включила свой фонарь.

Проход в стене был узким, забитым плотными лоскутами паутины, он почти сразу круто сворачивал влево и исчезал из вида. Внутри стояла непроглядная тьма, из которой тянуло отвратительным кисловатым запахом пыли и смерти.

Где-то там, внутри, находился Источник, то есть место или предмет, к которому был привязан явившийся с того света призрак Эммы Марчмент. Найдите Источник, заблокируйте его с помощью серебра или железа, и вы навсегда избавитесь от своего Гостя.

На словах все выглядит очень просто, не правда ли? Держа в одной руке зеркало, а в другой фонарь и рапиру, я протиснулась сквозь отверстие в стене.

Если честно, это было не совсем то, что я собиралась сделать, точнее, совсем не то. По правилам, я должна была дожидаться остальных, должна была потратить еще минут десять на то, чтобы уговорить их. Но в этом случае я могла потерять выдержку и спокойствие, а проще говоря, распсиховаться из-за этих трусливых баранов. И я решила действовать в одиночку. Это всегда очень опасно, однако чему-чему, а умению рисковать я была хорошо обучена.

Итак, я протиснулась сквозь стену. Проход за ней был таким узким, что я шла, шаркая боками по его кирпичным стенкам, с отвращением продираясь сквозь свисающую сверху паутину. Шла я медленно, зная, что на каждом шагу меня может поджидать засада или ловушка. Ни того, ни другого мне пока что не встретилось.

– Ты ее видишь? – шепотом спросила я.

– Нет. Это хитрая лиса. Прикончить ее будет не так просто.

– Интересно, что у нее за Источник, который она охраняет.

– Может быть, часть ее самой, почему нет? Быть может, муженек настолько вошел в раж, что раскромсал свою женушку на куски. Например, выбил ей глаз, и тот закатился куда-нибудь под стул, а потом затерялся. Легко.

– И почему только я до сих пор слушаю тебя? Фу, какие же мерзости ты городишь!

– А что такого уж мерзкого в отдельных частях человеческого тела, скажи мне на милость? – ответил череп. – Я сам, например, тоже часть тела. Что ж мне теперь, стесняться себя, что ли? Я горжусь собой. Эй, осторожно, впереди слепой поворот.

Я сняла с пояса солевую бомбу и наугад швырнула в темноту. Услышала, как она взорвалась, но экстрасенсорного ответа не получила – значит, не попала в Гостя.

Я выше подняла свой фонарь и двинулась вперед.

– Может быть, ей хочется, чтобы мы нашли ее Источник, – пробормотала я себе под нос. – Тоже вариант, разве нет? Такое впечатление, что она буквально пытается показать нам то место, где нужно его искать.

– Возможно, возможно. Или просто заманивает тебя в ловушку, чтобы убить. Тоже вариант, согласись.

В любом случае идти за ответом оставалось недолго, об этом говорили плотные полотнища паутины – верный признак близости Гостя и его Источника. За слепым поворотом открылась густо затянутая паутиной комната. Паутина висела здесь сплошной стеной от потолка до камина, местами провисала наподобие гамака, местами сбилась плотными, покрытыми вековой пылью комками. Натыкаясь на занавес паутины, луч моего фонаря отражался от нее, дробился или просто угасал, завязнув в ее глубине. Мне казалось, что я очутилась внутри какого-то гнезда, свитого огромной, совершенно спятившей с ума птицей. Попад в луч света, поспешно скрывались в темноту бесчисленные обитатели и

создатели паутины – пауки с черными брюшками и тонкими лапками.

Я немного подождала, стараясь освоиться в этом необычном – и очень неприятном, добавлю, – месте. Когда-то это была скрытая за фальшивой панелью туалетная комната, в которой ее хозяйка переодевалась и прихорашивалась перед зеркалом. На стенах комнаты все еще сохранились остатки ветхих древних обоев. Одна стена была сплошь увешана пустыми полками, у противоположной стены расположился камин, в котором на давным-давно прогоревших углях валялся мумифицированный трупик какой-то птицы. Окон в комнате не было. Пол покрывал толстый слой черной, как сажа, пыли, облачками поднимавшейся при каждом моем шаге. Да, давненько никто не заходил в эту комнату, давненько.

Я прислушалась и где-то совсем близко уловила женский плач.

У третьей стены стоял туалетный столик с облупившейся позолотой, а на нем зеркало в деревянной раме. Точнее, несколько покрытых пылью осколков от разбитого вдребезги зеркала.

Когда я впервые заглянула в комнату, то заметила краем глаза стоящую перед остатками зеркала прозрачную серую фигуру, слегка согнувшуюся так, словно чтобы посмотреться в зеркало. Но призрак (если это действительно был он) моментально исчез, оставив меня прорубать своей рапирой дорогу сквозь густую, липнущую к рукам и клинку паутину. Разумеется, паутиной, словно огромным серым коконом, было окутано и само зеркало тоже.

Из старых газет было известно, что Эмму Марчмент зарезали осколком разбитого зеркала, перед которым она в это время стояла. Что ж, вполне возможно, это зеркало и есть Источник. Я открыла один из подвешенных к моему поясу мешочков, вытащила из него тонкую серебряную сеть, набросила ее на зеркало и снова прислушалась. Нет, женский плач продолжался, не очистилась и зловещая атмосфера в комнате.

– Нет, это не зеркало, – сказала я. – Жаль...

Я медленно обвела комнату взглядом. Зеркало... камин... пустые полки. И повсюду кошмарная паутина, порой настолько густая, что сквозь нее ничего невозможно было рассмотреть. Я негромко, но крепко выругалась под нос в

адрес агентства «Ротвелл» и добавила:

– Трудно это будет сделать в одиночку, однако.

– Что? – немедленно раздался сердитый голос из моего рюкзака. – Почему это «в одиночку»? А я на что? Ты там повежливее, знаешь ли. Выбирай выражения, гениальная сыщица.

После этого он добавил еще пару слов, которые, пожалуй, лучше опустить. Я закатила глаза.

– Ладно, прости. Проехали. Я не одна. Мне помогает говорящий череп, сидящий в старой банке. Злобный и порочный. Так что можно считать, что я не одна.

– Как ты можешь так говорить? Мы же с тобой друзья-приятели.

– Никакие мы с тобой не друзья-приятели. Между прочим, ты уже раз десять пытался меня убить, скажешь, нет, что ли?

– Так я же и сам мертвый, не забывай. А может, мне очень одиноко, мертвому-то. Ты когда-нибудь хоть раз подумала об этом?

– Ладно, хватит болтать. Следи лучше, – приказала я. – Мне как-то не очень хочется, чтобы Эмма еще раз на меня набросилась.

– Да уж, мало радости, если тебя поцелует ожившая ведьма с перерезанным горлом, – согласился череп. – Хотя, если подумать, были у нас с тобой клиенты и похуже. Сырые Кости в Далвиче, например. Помнишь, как тот призрак завывал: «Я хочу получить назад свою кожу! Верните мне мою кожу!» Ты еще потом его упустила. Жесть! Впрочем, ладно, забудь и не парься, – череп радостно хихикнул, но тут же замолчал и резко сменил тон. – Эй, погоди секундочку! Ты же не станешь этого делать, правда, Люси? Послушай, Люси, это никогда ничем хорошим не кончается.

Тут он отчасти был прав. Одним из моих природных талантов наряду со Зрением (хорошим) и Слухом (лучше, чем у кого-либо), был Дар Осязания. Станный, нужно заметить, Дар, который зачастую не давал мне ничего (или слишком

мало), но иногда даже слишком много. Однако за последние месяцы он у меня значительно улучшился, и я считала, что его можно попробовать применить и в данном случае. Я протянула руку и прикоснулась пальцами к остаткам зеркала в раме. Затем закрыла глаза, отключилась от дня сегодняшнего и попробовала почувствовать то, что происходило в этой комнате много-много лет назад.

Как это часто бывало в последнее время, на меня быстро нахлынули звуки, а вслед за ними замелькали и смутные образы... Женский плач утих, сменился потрескиванием горящих в камине поленьев. Стоя с закрытыми глазами, я увидела перед собой ту же самую комнату, но наполненную на сей раз красками и деталями, они проявлялись словно плоть, нарастающая на пыльный, затянутый паутиной скелет. В очаге весело играл огонь, полки заполнились стеклянными банками, глиняными горшками и книгами в кожаных переплетах. На столе появились пучки трав, а рядом с ними и другие, куда менее приятные предметы.

У камина стояла женщина с длинными волосами, огонь бросал кровавые отблески на ее белое платье, кружева на его обшлагах плавно покачивались в потоках теплого воздуха. Женщина что-то делала с широким тонким камнем на передней стенке камина и застыла, почувствовав на себе мой взгляд. Она повернула голову, взглянула на меня, и этот взгляд был одним из самых злобных, какие мне только доводилось встречать в своей жизни. Я невольно отшатнулась, ударила плечом о стену и тут же вновь очутилась в настоящем времени, в темной, холодной и пустой скорлупе бывшей комнаты.

– Теряешь свое драгоценное время, – заметил череп.

Я протерла глаза. Для меня все, что я увидела, произошло в мгновение ока. А на самом деле?

– Сколько времени я отсутствовала?

– Будь у меня такая возможность, я бы трубочку выкурить успел. Нашла что-нибудь?

– Возможно.

Я направила луч фонаря на черное отверстие камина. Чуть выше над ним я увидела тот самый широкий и тонкий камень.

«У меня еще есть...» – вспомнились мне слова, сказанные призраком Эммы Марчмент.

Она все еще здесь, та драгоценная для нее вещь.

Я вытащила из петли на поясе свой ломик-фомку. Два шага, и я была уже возле того камня, вставила в щель фомку, пытаюсь поднять его край. Не самая разумная вещь на свете стоять вот так спиной к затянутой паутиной комнате, но что поделать – выбора у меня все равно не было. Пазы вокруг камня были забиты вековой слежавшейся пылью и сажей, из-за них камень не хотел поддаваться. Хотелось бы мне быть сильнее. А еще сильнее хотелось быть частью настоящей команды. Тогда кто-нибудь стоял бы сейчас у меня позади, прикрывая мою спину и внимательно наблюдая за тенями. К сожалению, такая роскошь была для меня недоступна.

– Шевелись же. Этот камешек даже мышка хвостиком смахнула бы.

– Я пытаюсь.

– Охотно помог бы тебе, да вот только, к сожалению, у меня нет рук. Ну, давай, навались, могучая ты наша.

В ответ я послала черепу пару соленых выражений. Наконец, мне удалось подцепить камень фомкой, но при этом женский плач становился все громче, а затем послышались шаги по битому стеклу. Я оглянулась. Вся паутина в комнате покрылась кристалликами льда.

– Она приближается, – сказала я. – В данный момент я предпочла бы слышать от тебя советы, а не оскорбления.

– О, это пожалуйста, это сколько угодно. Откровенно скажу, положение угрожающее. Поэтому вот тебе мой совет – выпусти меня, и я вытащу тебя из этой передраги.

– Кто бы сомневался. Нет, перебьешься. Я уже почти справилась... Давай, просто наблюдай и докладывай... советчик.

– Ты хочешь, чтобы я предупредил тебя, когда она вплотную приблизится к тебе?

– Нет! Раньше!

– Когда ее пальчики будут готовы сомкнуться на твоей нежной шейке?

– Просто скажи, как только она появится в комнате.

– Поздно. Она уже здесь.

Впрочем, об этом теперь я уже и сама знала. Волосы на затылке у меня зашевелились, как это всегда случалось в присутствии Гостя. Я сняла одну руку с фомки, взяла висящее у меня на поясе зеркало и направила его себе за спину. В комнате было темно, однако в центре зеркала появилось бледное светящееся пятно. Это был тошнотворный холодный зеленоватый потусторонний свет, излучаемый полупрозрачной фигурой, плывущей в темноте по воздуху и направлявшейся ко мне.

Только в эту секунду я вдруг вспомнила о том, что моя серебряная сеть по-прежнему висит на зеркале у противоположной стены комнаты.

Отчаяние придало мне сил. Я отпустила зеркало, выхватила из-за пояса солевую бомбу и швырнула ее. Бомба взорвалась, в воздухе запахло горячей эктоплазмой. Зеленые искры окутали силуэт призрачной женщины. Фигура раскололась пополам, и ее части облаками дыма расползлись в разные стороны.

Соль догорела, комната вновь погрузилась в темноту. Я всем телом налегла на фомку, нажала, и камень вылетел наружу. Я посторонилась, чтобы он не задел меня по ноге, когда будет падать на пол. А где же мой фонарь? Ага, вот он, лежит на каминной полке. Я схватила его, включила, направила луч в темное углубление, открывшееся на месте вылетевшего камня.

Внутри лежал большой темный предмет, похожий на слегка смятый футбольный мяч, густо оплетенный паутиной. По паутине начали разбегаться пауки.

– Ого, да это же голова, – сказала я.

– Ага. Древняя черепушка. Мумифицированная. Прелестно. Мой коллега, можно сказать.

– Но это не ее голова.

– Нет, конечно. Будь это голова Эммы, у мужа была бы еще одна уважительная причина, чтобы убить ее. На голове борода, разве ты еще не заметила?

Действительно, даже под толстым слоем паутины и пыли на подбородке черепа можно было рассмотреть остатки курчавой черной бороды.

– Где она сейчас, череп?

– Призрак благополучно восстановился. Сейчас Эмма стоит перед зеркалом. Из нее теперь торчат клочья паутины. Прелестно, прелестно! Теперь она двинулась вперед. Ей очень не нравится то, что ты делаешь с ее Источником. Она вытянула руки вперед...

Можно было, конечно, бросить вспышку, только в этой комнате мне самой некуда укрыться от пламени и ударной волны. Можно было пустить в дело рапиру, но как, скажите, держать одновременно и зеркало, и Источник, и клинок? У меня же не три руки.

Оставалось действовать так, как меня приучила работа с настоящими агентами, а именно – импровизировать.

Я отшвырнула от себя голову, и та покатила по полу. Порыв холодного ветра всколыхнул полотнища паутины, и я поняла, что мой расчет оказался верным – призрак инстинктивно бросился к своему Источнику. В тот же миг я рванула к противоположной стене, к своей висящей на разбитом зеркале серебряной сети. Схватила ее, обернулась и в другой руке подняла свое зеркало – как раз вовремя, чтобы увидеть, что призрак разворачивается в мою сторону. Сейчас я

рассмотрела призрак Эммы четко, как никогда до этого. Даже не могу вам сказать, что было ужаснее – окровавленное располосованное тело Эммы или ее жуткое, искаженное яростью и злобой лицо. Впрочем, тогда мне было совершенно не до этого. Я начала танец матадора, которому в свое время обучил меня Локвуд. Раскинув руки с зажатой в них серебряной сетью, я принялась дразнить и отгонять от себя призрак. В какой-то момент я резко опустила руки, оставшись незащищенной. Призрак хищно бросился на меня, вытянув вперед свои костлявые пальцы. Я же, точно выждав момент, отскочила в сторону и тут же швырнула серебряную сеть. Выпад оказался удачным, сеть накрыла лицо призрака.

Серебро, как всегда, сделало свое дело. Призрак Эммы сверкнул ярким пламенем и исчез. Я подняла с пола сеть, сделала пару шагов, вновь наклонилась и аккуратно накрыла серебром лежащую на полу голову. Сразу же в ушах у меня что-то щелкнуло, очистилась наполненная злобой атмосфера в комнате, все вокруг стало тихо и спокойно.

– Ну, что скажешь? – обратилась я к висевшему у меня за спиной рюкзаку.

– Неплохо, неплохо, согласен.

Я опустилась на пол, посмотрела на лежащий у моих ног сверток.

– Этот Источник... Как ты думаешь, чья это голова? И почему Эмма так была привязана к ней?

– Я думаю, эту голову она, скорее всего, украла с виселицы. В те времена многие ведьмы так поступали. Считали, что голова висельника помогает в их дурацком колдовстве. Наивные!

– Фу, вот мерзость.

– Ага... – Череп помолчал, потом задумчиво продолжил: – Болтаться на виселице с отрезанной головой... Что же этот мужик натворил, чтобы заслужить такое?

– Не знаю. Но что-то натворил, это точно.

Я еще немного посидела в потайной комнате, подождала, пока у меня восстановится дыхание. Потом медленно поднялась на ноги, плотнее обернула мумифицированную голову серебряной сетью и не спеша отправилась на поиски остальной команды. Если честно, торопиться мне совершенно не хотелось. Позади осталась самая опасная часть этой ночи, однако самая худшая ее часть еще ожидала меня впереди.

3

Вы, наверное, могли подумать, что находка головы стала концом этого расследования. Гость исчез, Источник заблокирован, еще одно лондонское здание очищено от призраков – красота! Ошибаетесь, потому что главным недостатком в работе агента-фрилансера является необходимость доложить о результатах своей работы взрослым контролерам. Парапсихологическим Даром, позволяющим видеть и слышать призраков, обладают только дети и подростки, поэтому все без исключения оперативники молоды, как и я. Только мы, юные, имеем непосредственное дело с призраками, только мы рискуем при этом своими жизнями. Но есть еще и взрослые, которые всем командуют. Это они раздают агентам задания и платят деньги за выполненную работу, это их считают главными в любой команде. При этом ни один из взрослых контролеров-надзирателей-наблюдателей экстрасенсорным Даром не обладает.

В этом смысле взрослые абсолютно глухие и слепые, и потому неудивительно, что все они смертельно боятся оказаться поблизости от Гостя и никогда не заходят в опасную зону. Просто болтаются где-то на задворках – старые, бесполезные – и выкрикивают приказы, которые никак не вяжутся с тем, что в этот момент происходит на самом деле.

Все агентства строят свою работу именно таким образом. Все лондонские агентства, кроме одного.

Мистер Тоби Фарнаби, назначенный на ту ночь моим начальником от агентства «Ротвелл», оказался типичным представителем этого племени бездельников. Это был мужчина средних лет, и потому если и имел он в свое время Дар, то успел утратить его как минимум лет двадцать назад. Полный ноль, одним словом, однако это не мешало ему считать себя ключевой фигурой, на которой все держится. На время сегодняшнего расследования мистер Фарнаби

расположился в мраморном вестибюле дома, поближе к выходу, за тройным кольцом железных цепей. Когда я, слегка прихрамывая, выползла на галерею второго этажа, он продолжал сидеть на своем месте и отсюда, с высоты, ужасно напоминал громадную жабу с раздутым пивным животом. С трудом втиснув свою тушу на раскладной брезентовый стул, наш начальник устроился возле легкого походного столика, на котором красовалась гора бутербродов и, разумеется, объемистая фляжка.

За плечом мистера Фарнаби стоял еще один взрослый мужчина – хлипкий, тощий, с пластиковой папкой в руке. Я знала, что его фамилия Джонсон, но никогда до сегодняшней ночи не видела. Он тоже работал в агентстве «Ротвелл», и, насколько я могла понять, был кем-то вроде надзирателя за нашим надзирателем. Да, так уж устроено это агентство. Как говорится, на каждого таракана свой тапок найдется, на каждого начальника свой начальник.

В настоящий момент мистер Фарнаби устраивал разнос остальным членам моей сегодняшней команды, которые, очевидно, спустились в холл с докладом своему надзирателю после того, как я исчезла в стене. Тина и Дейв стояли понурившись и опустив плечи, Тед, в отличие от них, был само внимание, изображал сосредоточенность, отчего его лицо сделалось еще глупее, чем обычно.

– Вы правильно поступили, когда решили вернуться сюда с рапортом и проделали это со всей возможной осторожностью, – вещал мистер Фарнаби. – Если мисс Карлайл мертва – а так оно, скорее всего, и есть, – то винить за это она может только саму себя. Держитесь рядом и прикрывайте друг друга. Помните, что Эмма Марчмент отравила своего пасынка и пыталась убить собственного мужа! Если такой злой и жестокой она была при жизни, после смерти ее неугомонный дух способен, пожалуй, еще и не на такое.

– Я думаю, нам следует поторопиться, сэр, – сказал Дейв Исон. – Люси скрылась в стене уже очень давно, и мы должны...

– Всегда следуйте правилам, Исон. Они разработаны прежде всего для вашей же безопасности. Ставлю вам два минуса за то, что перебиваете старшего, – мистер Фарнаби сложил свои мягкие пухлые ладони и хрустнул суставами пальцев. Немного подумал и потянулся за бутербродом. – Мисс Карлайл решила действовать на свой страх и риск, вместо того чтобы явиться ко мне с рапортом. Нужно сказать, что это вечная проблема в работе с фрилансерами. Все они плохо обучены, не так ли, Джонсон?

– Плохо обучены, плохо, – согласился Джонсон.

Я перегнулась через перила галереи и негромко сказала:

– Привет, мистер Фарнаби.

Не скрою, мне было приятно увидеть, как все они подскочили на месте.

Фарнаби уронил бутерброд себе на колени, поднял на меня свои маленькие свинячьи глазки и ответил:

– О, мисс Карлайл! Вы предпочли присоединиться к нам, это хорошо, потому что я слышал о вашем безрассудстве! У нас, в агентстве «Ротвелл», мы привыкли действовать как единая команда. Так что пока вы работаете с нами, будьте любезны соблюдать наши правила. И никакой самостоятельности!

Я стояла, медленно постукивая пальцами по перилам. Волосы мистера Фарнаби блестели подо мной в ярком свете фонарей, его живот отбрасывал на пол большую овальную тень, похожую на орбиту Луны, какой ее рисуют в книжках. Официально считалось, что мистер Фарнаби охраняет наши припасы. На самом деле это наши припасы охраняли его драгоценную жизнь.

– Я сама всеми руками и ногами за командную работу, – сказала я, – однако в ней имеются свои особенности. Временами оперативнику необходимо принимать решения самостоятельно, чтобы эффективнее использовать свой экстрасенсорный Дар.

– Я нанял вас на эту ночь ради вашего великолепного слуха, а не для того чтобы выслушивать ваше мнение, которое меня совершенно не интересует, – надул губы мистер Фарнаби. – А теперь прошу вас сделать то, о чем просил еще целый час назад, и подробно сообщить мне обо всех ваших действиях, которые...

Мистера Фарнаби перебил раздавшийся из моего рюкзака голос:

– Ну и тормоз же этот чувак! Тупица!

– Целиком и полностью с тобой согласна, – чуть слышно ответила я.

– Знаешь, что я тебе хочу предложить?

– Догадываюсь. И сразу отвечаю: нет. Я не собираюсь его убивать.

– Зря. Было бы так здорово... Посмотри вон на тот цветочный горшок, который стоит на перилах. Хороший горшок. Тяжелый. Если его как бы случайно уронить, он, пожалуй, угодит мистеру Фарнаби прямо в голову, и тот очень красиво раскинет мозгами. Ну, что скажешь, а?

– Тсс.

– Вы что-то сказали, мисс Карлайл? – спросил мистер Фарнаби, глядя на меня снизу вверх.

– Да, – кивнула я. – Сказала, что нашла Источник. Сейчас принесу его вам, одну минутку. И оставьте, пожалуйста, хоть один бутерброд для меня.

Я медленно спустилась по лестнице в вестибюль, держа под мышкой обернутый серебряной сетью сверток и не обращая внимания на моих коллег-агентов, которые тупо смотрели на меня округлившимися от удивления глазами. Подойдя к Фарнаби, я с громким стуком положила сверток на стол перед ним.

– Это Источник? – испуганно откинулся на спинку своего стула начальник. – Что это?

– Да вы лучше сами взгляните, сэр. Будьте любезны, отодвиньте немного в сторону ваши бутерброды.

Фарнаби осторожно приподнял край серебряной сети, взвизгнул и отскочил в сторону, опрокинув стул.

– Ящик из серебряного стекла, живо! – закричал он. – И переложите эту штуковину на пол, куда-нибудь подальше от меня!

После того, как нашли ящик и переложили в него голову, взмокший от пота мистер Фарнаби вернулся на свой стул и сказал, с опаской косясь на ящик:

– Какая мерзость! Вы думаете, это голова Эммы Марч-мент?

– Нет, это не ее голова. В смысле, не ее собственная, – ответила я. – Но совершенно точно принадлежала ей. Я сумела увидеть, какой была потайная комната при жизни Эммы. Травы, горшки, банки, таинственные книги, талисманы. Она определенно пыталась заниматься каким-то бессмысленным колдовством, а эта древняя голова была у Эммы самым ценным магическим предметом, потому и ее призрак был привязан к ней.

– Замечательно, – сказал мистер Джонсон, не шевельнув ни единым мускулом на своем ничего не выражающем лице, и что-то записал в своей папочке. – Отличная работа, Карлайл.

– Благодарю вас, сэр, – ответила я. – Но это стало результатом наших общих усилий. Каждый член команды делал свое дело.

– Источник действительно необычный, – кисло заметил мистер Фарнаби. – Такие вещицы любят ваши парни из института, верно, Джонсон? Возьмете голову к себе?

– К сожалению, это запрещено по новейшим правилам ДЕПИК, – едва заметно улыбнулся мистер Джонсон. – Голова должна быть уничтожена. Я сам сообщу владельцам дома о том, что он очищен от призраков. Большой успех вашей команды, Фарнаби, несмотря на полное отсутствие контроля с вашей стороны.

Он похлопал нашего надзирателя по плечу, вышел из очерченного железными цепями круга и направился к двери.

Какое-то время мистер Фарнаби сидел молча, с хмурым лицом, а затем заговорил, обращаясь к стоявшему рядом с ним Теду.

– Это ваша вина, Дейли, – сказал он. – Вы лидер команды. Вы должны были держать мисс Карлайл на коротком поводке. Ставлю вам пять минусов.

Я разозлилась, глядя на то, как начальник стирает Теда в пыль.

– Прошу прощения, сэр, – сказала я. – Команда со своим заданием справилась. Все агенты действовали абсолютно правильно.

– А я так не считаю, – сердито возразил мистер Фарнаби. – И вообще, это не ваше дело. Ну, все, закончили. Начинаем собирать вещи.

Он махнул мне рукой – уходи, мол, – и припал к своей заветной фляжке, но я никуда не пошла и продолжала стоять на своем.

– Лично у меня не было времени на то, чтобы советоваться с вами, – сказала я. – Мне нужно было обнаружить точное место, где находится Источник, и сделать это до того, как Спектр исчезнет. Тут каждая секунда на счету. И ваши агенты действовали на первом этапе очень эффективно. Они помогли мне обнаружить потайную комнату, а Дейв даже помогал отогнать Спектра. Когда-то вы сами были агентом, сэр, и должны помнить о том, что многие решения приходится принимать прямо на месте и немедленно. Кроме всего прочего, это учит доверять своим товарищам. Я не права, Тед?

Я обернулась, но Теда рядом со мной уже не было, он отошел в сторонку и сматывал сейчас тяжелые железные цепи.

– Тина? – спросила я. – Дейв?..

Но Тина упаковывала неиспользованные солевые бомбы, а Дейв тащил куда-то мешок с железными опилками. Все они молчали, и каждый занимался своим делом. На меня и мои слова они не обратили ни малейшего внимания. Дружная команда, ничего не скажешь.

На меня неожиданно надвинулась тень, это мистер Фарнаби перекрыл своим огромным животом луч фонаря, когда поднимался со своего стула. Его похожие на две ягодки черной смородины глазки зло поблескивали.

Во взгляде мистера Фарнаби читалось столько неприязни, что моя рука невольно легла на эфес рапиры.

– Мне известно, где вы раньше работали, мисс Карлайл, – сказал Фарнаби. – И знаю, почему вы привыкли действовать именно так, а не иначе. Для меня остается загадкой, почему ДЕПИК до сих пор не прикрыл то ничтожное хилое агентство с сомнительной репутацией. Агентство, которым руководят дети? Бред какой-то! Но ему скоро, очень скоро придет конец, попомните мои слова, мисс Карлайл. И не забывайте, что вы больше не работаете в агентстве «Локвуд и компания». Получая разовую работу в «Ротвелл», вы попадаете в настоящее, приличное агентство, в котором юные оперативники четко знают свое место. Если вы хотите и впредь получать у нас работу, будьте любезны держать язык за зубами и делать то, что вам приказывают. Я достаточно ясно выразил свою мысль?

– О, вполне, сэр, – ответила я, сжав губы в ниточку.

– Очень хорошо. А теперь вам придется доказать, что вы все поняли, и закончить за меня начатую здесь работу. Как уже сказал мистер Джонсон, согласно новейшим правилам ДЕПИК, все Источники призраков Второго типа должны немедленно уничтожаться. Правительство хочет иметь гарантии того, что ни один такой Источник не просочится на черный рынок опасных экстрасенсорных артефактов, который продолжает существовать и в наши дни. – Он осторожно коснулся стеклянного ящика носком своего ботинка и закончил: – Возьмете эту мумифицированную голову, отвезете в Печи и проследите за тем, как ее сожгут.

– Вы хотите, чтобы я отправилась в Клеркенвелл? – переспросила я, глядя на него. – Прямо сейчас, в четыре часа утра?

– Ничего страшного. Печи работают круглосуточно. Завтра привезете мне справку об утилизации этого Источника, и я заплачу вам за сегодняшнюю работу. Сначала справка, потом деньги, и никак иначе. Ну, а вы, – он посмотрел на свою славную команду, которая заканчивала укладывать вещи. – Вообще-то, я хотел отпустить вас по домам, чтобы вы отдохнули, но раз уж мисс Карлайл такого высокого мнения о ваших силах и способностях, мы с вами отправимся еще на одно задание. Я думаю, нам как раз хватит времени, чтобы разобраться с одним Чейнджером на Хайгейтском кладбище. Если вы все собрали, тогда вперед!

Мистер Фарнаби повернулся ко мне спиной и принялся заворачивать в бумагу недоеденные бутерброды. Мои недавние партнеры по команде бросали на меня сердитые взгляды – получалось так, что это из-за меня им придется теперь

тащиться на кладбище, вместо того чтобы отправиться спать. Обращать внимание на эти взгляды я не стала, молча подобрала с пола ящик.

– Череп, – негромко позвала я.

– Что?

– Мне кажется, ты был прав насчет того цветочного горшка.

– Вот видишь? Что я тебе говорил?

Тяжело вздохнув, я взяла ящик с мумифицированной головой под мышку и вышла из дома. Я устала, я проголодалась, но старалась не показывать этого. Разговор с мистером Фарнаби я уже выбросила из головы – таким же примерно обменом любезностями заканчивалось практически каждое мое общение с контролерами. И это тоже стало частью моей новой работы фрилансером.

Замечу, кстати, что, став фрилансером, я самым первым делом заказала себе визитные карточки – ламинированные, со стильным серебристо-серым обрезом.

Вот она, моя визитка, которую я раздала всем моим возможным нанимателям, и сейчас я поясню, почему все они приглашали меня на работу, несмотря на то, что я, конечно же, зачастую раздражала их.

«Люси Карлайл

Свободный агент-парапсихолог.

Лондон, Тутинг Мьюз, 15, кв. 4

Экстрасенсорные расследования и устранение Гостей

Основная специализация – акустические феномены»

Можно было бы, конечно, добавить к этому какой-нибудь накрученный логотип вроде скрещенных рапир, или рапиру с насаженными на нее призраками, или еще что-нибудь, но, подумав, я отказалась от этих финтифлюшек и решила, что пусть лучше моя визитка будет простой и строгой. А охотно меня приглашали на работу потому, что свободных агентов в Лондоне осталось к тому времени совсем немного, особенно если учесть, как быстро погибали оперативники – и свободные, и не свободные тоже.

Став фрилансером, я имела возможность заключить договор на разовую работу с любым агентством, которому требовались мои услуги, и позвольте вам заметить, что в течение Черной зимы мои услуги потребовались большинству из них. Еще как потребовались! Что касается моей «узкой специализации» (акустические феномены), то Слух был моим особым Даром, и между нами скажу вам без лишней скромности, что такого острого Слуха, как у меня, никогда не было ни у одного из агентов (за одним-единственным исключением, но это особый случай). Благодаря этому своему Дару я становилась ценным добавлением практически к любой команде. Дополнительным моим преимуществом, а значит, и преимуществом для всей команды было и то, что я умела выжить и уцелеть в любой ситуации. Я знала, когда следует положиться на свой Слух и Зрение, а когда пустить в ход рапиру, знала, как выбраться из ада.

Эти навыки плюс здравый смысл – вот и весь секрет того, как остаться живым при нашей работе.

Короче говоря, я была хороша в своем деле. Очень хороша, что уж там. Ведь я училась своей профессии рядом с лучшими из лучших.

Хотя больше и не была вместе с ними.

Черная зима была неплохим временем для того, чтобы начать свое дело. Неплохим – значит очень напряженным. Это сейчас, в конце марта наметилось что-то вроде небольшой передышки. Погода улучшалась, день прибывал, среди последних крошек теперь уже прошлогоднего снега появились головки первых весенних цветков, все меньше становилась возможность попасть в смертельное объятие призрака, выйдя вечером из дома за пакетом молока. Мы все надеялись на то, что хотя бы на время снизится царившее на протяжении всей зимы напряжение.

А в предыдущие несколько зимних месяцев с их бесконечными ночами Проблема – так называют нашествие призраков, охватившее много лет назад нашу страну, – заметно обострилась. Нет, такого кластера призраков, который наблюдался во время знаменитого Нашествия на Челси, больше не повторялось, однако и без этого зима выдалась очень тяжелой. Все агентства буквально разрывались на части, все новые молодые и совсем юные агенты выходили на бой с призраками и погибали, чтобы потом быть похороненными в обшитых железом могилах на задворках плаца Конной гвардии.

С другой стороны, зимние трудности способствовали процветанию некоторых компаний, среди которых было «Локвуд и компания», самое маленькое агентство парапсихологических расследований во всем Лондоне.

В этом агентстве до самого начала зимы работала и я. Со мной в агентстве было всего трое – я; наш лидер и руководитель Энтони Локвуд; и Джордж Каббинс, мозговой центр агентства и главный исследователь. Все мы жили в одном доме на Портленд-Роу, в Мэрилебоне. Ах да, чуть не забыла, была у нас еще одна сотрудница, Холли Манро. Она появилась в агентстве позже меня и была кем-то вроде помощницы или секретарши. Ее, конечно, тоже следует принять в расчет, хотя Джордж и Локвуд значили для меня гораздо больше. Точнее сказать, они так много значили для меня, что в конце концов именно поэтому я решила уволиться из агентства и стать фрилансером. Вы спросите, почему? Отвечаю.

Видите ли, четыре месяца назад один призрак приоткрыл передо мной завесу будущего. И в этом будущем мои действия непосредственно вели к гибели Локвуда. Тот призрак был на редкость злобным, и потому, казалось, можно было и не верить ему, вот только нарисованная им картина слишком уж сильно совпадала с тем, что подсказывала мне моя интуиция. Раз за разом Локвуд спасал меня от смерти, рискуя при этом своей собственной жизнью, и с каждым новым таким случаем грань между успехом и поражением становилась все более хрупкой и зыбкой. Добавим к этому, что по мере того, как усиливался и развивался мой экстрасенсорный Дар, я все больше начинала терять контроль над ним, а значит, и над своими эмоциями, а это значительно укрепляло силы тех призраков, с которыми мы сражались. Серия таких катастрофических случаев закончилась тем, что я умудрилась пробудить Полтергейст, в битве с которым едва не погиб и сам Локвуд, и остальные мои друзья.

Я сердцем чувствовала, что еще одна ошибка с моей стороны, и мрачное предсказание призрака сбудется. Допустить этого я не могла и поэтому приняла очень тяжелое для себя решение – покинула свое любимое агентство, своих самых близких друзей. Да, я приняла такое решение и была уверена в том, что оно – единственно правильное.

Да, я была уверена в этом.

И теперь осталась одна, если не считать, конечно, такого странного компаньона, как мой говорящий череп.

Из газет я знала, что мой уход из агентства «Локвуд и компания» совпал с началом активнейшего периода в работе моих бывших коллег. В частности, огромную популярность агентству принес успех в обнаружении Источника Нашествия в Челси – это была пещера с захороненными в ней скелетами, расположенная глубоко под универсальным магазином братьев Эйкмер. Именно это расследование принесло агентству славу, о которой так давно мечтал его руководитель. С тех пор на первых полосах газет все чаще стали появляться фотографии Локвуда и его коллег. На одной он стоял вместе с Джорджем среди развалин вскрытого склепа в Мортлейке. На другой фотографии Локвуд был один, позировал на фоне черного пятна – это было все, что осталось от упыря из Сент-Олбани. А меньше остальных мне нравилась та фотография, где Локвуд в офисе «Таймс» принимал долгожданный приз, который газета присуждала лучшему агентству месяца. На этой фотографии Локвуд был не один, рядом с ним виднелась стройная и элегантная фигурка Холли Манро.

Что ж, дела у моих бывших коллег шли хорошо, и я была очень рада за них. Впрочем, и у меня самой дела шли на славу. Моя роль в расследовании дела об универсальном магазине Эйкмеров тоже не осталась незамеченной, и потому, едва я успела снять себе комнату и поместить небольшое объявление в разделе «Агенты» на странице «Таймс», ко мне начали поступать предложения. Работала я много, причем с самыми разными компаниями. В агентстве «Гримбл» я расследовала громкое дело об убийцах с Мэлроуз Плейс, в агентстве «Аткинс и Армстронг» – случай с так называемой Призрачной кошкой с площади Кромвель Сквер. Несколько раз меня приглашало даже такое крупное агентство, как «Ротвелл», и что там завтра ни наговорит обо мне Фарнаби, я знала, что и они еще не раз обратятся ко мне.

Да, я, можно сказать, процветала.

Процветала в одиночку.

Беспокоило ли меня то, что я осталась одна? Если честно, нет. По большей части я чувствовала себя прекрасно.

Я постоянно была занята. Никто не может сказать, что я за это время мало что узнала и мало с кем встречалась – правда, как правило, это были те, кто уже умер. Только за одну прошлую неделю, например, мне довелось увидеть и призрак мальчика на качелях, и сидящий в церкви скелет невесты, и кондуктора, плывшего по воздуху за своим автобусом, а еще двух раздавленных рабочих, призрачного пса, которого вела за собой по Пути Хай-стрит большая черная тень, безголового библиотекаря, чемодан, в котором оказались три нимба, двух Глимеров, Серую Дымку и, наконец, отрезанную, летающую сама по себе руку и полуодетого соседа.

Сосед, кстати, был живым, хотя честно говоря, я предпочла бы, чтобы было наоборот.

Да, ночи у меня были весьма содержательными, а вот днем я порой чувствовала себя опустошенной. Особенно на заре, после только что законченного расследования, когда медленно брела по пустым улицам – уставшая, в синяках и царапинах, и тяжелым грузом давили на плечи ближайшие часы, которые мне предстояло провести в одиночестве. Я не могла даже рассчитывать на то, что мне удастся поболтать с черепом – в дневные часы он чаще всего предпочитал дематериализоваться. Именно в эти минуты, возвращаясь к себе домой, я как никогда сильно тосковала по своим друзьям.

Правда, сегодня рано утром я шла не к себе домой. Пока что нет. Благодаря мистеру Фарнаби мне вначале предстояло посетить еще одно местечко, не самое веселое, скажем прямо. Я несла серебряный ящик в один из самых ужасных уголков Лондона, хотя это и не был дом, зараженный призраками.

Совсем наоборот.

Это было место, где уничтожают призраков.

Большие лондонские городские печи для утилизации экстрасенсорных артефактов – или попросту Печи Фиттис, как все их называли, находились в восточном промышленном районе Лондона, Клеркенвелле. Они были построены Мариссой Фиттис, легендарной основательницей одноименного агентства, пятьдесят лет назад, когда стало ясно, что в целях безопасности сверхъестественные, связанные с призраками Источники необходимо уничтожать, и уничтожать безвозвратно. В те давние дни печи размещались на месте старой обувной фабрики, и были буквально втиснуты между художественными мастерскими и товарными складами. Теперь они занимали целых два городских квартала, на которых большими кирпичными храмами поднимались крематории, над которыми вместо крестов торчали высокие тонкие трубы, выбрасывавшие из себя пепел, уносившийся в сторону реки и моря.

Во всяком случае, так рассчитывали проектировщики, на самом же деле ветер часто менял направление, и тогда пепел падал на прилегающие кварталы, на крыши домов, улицы, на идущих по этим улицам людей, посыпая серовато-черным порошком их плащи и шляпы. Местные жители называли его «клеркенвелльским снежком» и относились к нему вполне терпимо, считая совершенно не опасным.

Территория, на которой находились Печи, была окружена высокими кирпичными стенами с заостренными металлическими шипами наверху. Сюда каждое утро подъезжали фургоны, привозившие свежие, обезвреженные за прошедшую ночь Источники. Строившийся изначально исключительно для нужд «Фиттис», этот комплекс уже не один десяток лет обслуживал все лондонские агентства. Это была нейтральная территория. Яростному соперничеству между компаниями, перераставшему порой в перепалки и даже в уличные стычки, не было места за этими стенами. Свои рапиры агенты сдавали при входе пожилому вахтеру и только после этого попадали на территорию Печей, постоянно оставаясь при этом под наблюдением местной охраны, готовой в любой момент пресечь любые беспорядки.

Для тех, кто приходил сюда пешком, как я, существовал отдельный боковой вход со стороны Фаррингтон Роуд. Я вошла, сдала свою рапиру и направилась к ближайшему зданию крематория по мощенному каменной плиткой внутреннему дворику. Вдоль двора были проложены канавы с проточной водой – дополнительная защита от всех потусторонних явлений. Поднявшись по

ступеням и раздвинув двери из толстого серебряного стекла, я вошла в просторный зал с железными оберегами и жаровнями, в которых постоянно дымились пучки лаванды. Здесь сидели семь приемщиков – каждый в отдельной кабинке. Именно они принимали принесенные на утилизацию Источники. Проводили досмотр, так сказать.

Проходя по пустынному сейчас залу, я услышала, как меня окликнули:

– Привет, Люси! Что ты мне сегодня притащила?

Сидевшего в кабинке номер четыре приемщика звали Гарольд Мейлер. Это был юноша с бледной кожей, нависшими веками и большими узловатыми руками. В свои восемнадцать он знал Печи лучше многих своих коллег, поскольку начал работать здесь с восьми лет. Что еще о нем сказать? Слегка развязный, слегка дерганый, с громким лошадиным смехом. За эту зиму я несколько раз передавала ему найденные мной Источники. В принципе, мы неплохо ладили друг с другом.

Я вошла в кабинку, и, признаюсь, не без некоторого облегчения поставила свой ящик из серебряного стекла на стол перед Мейлером. Черт возьми, до чего же она оказалась тяжелой, эта мумифицированная голова! Мейлер оглядел меня, почесывая у себя в ухе.

– Похоже, у тебя была веселая ночь, – заметил он, вертя в руках мой ящик. – Кто этот приятель, которого ты принесла?

– Понятия не имею. Какой-то преступник восемнадцатого века, скорее всего. И к нему был привязан – можешь себе представить? – призрак колдуньи. Скажи, ничего себе парочка? Надеюсь, ты сможешь поскорее поджарить этого парня?

Гарольд Мейлер вытащил стопку формуляров и разложил их на своем столе. Как много было этих бумажек, кто бы знал!

– Для тебя, Люси, хоть Луну с неба. А теперь давай запишем все, что требуется. Мне нужны некоторые детали, как обычно.

Я назвала время, место и обстоятельства, при которых был найден и блокирован Источник, заполнила отдельный листок со своими личными данными. Подписала от имени агентства «Ротвелл» расписку о передаче Источника на утилизацию.

У Гарольда были коротко подстриженные светлые волосы, веснушки на лице, большие торчащие уши и такие тоненькие бровки, что их можно было заметить только тогда, когда он поднимал их вверх, морща лоб.

– Снова работала на «Ротвелл»? Не с командой старины Фарнаби, случайно?

– С ней. И в последний раз, надеюсь. Это вообще не команда. Бездари. Улитки безмозглые.

– Что верно, то верно. Тебе, пожалуй, следует раскинуть свою сеть шире, Люси.

– Так и сделаю.

– Между прочим, почему бы тебе снова не примкнуть к агентству Локвуда? Я его видел здесь на прошлой неделе, он был вместе с той девчонкой, Холли. Они тогда только что закончили одно грандиозное дельце на Кэмденском шлюзе. Да ты сама, наверное, об этом читала.

– Если честно, нет, не читала.

– Ну, как же! Кричащий дух, который являлся из скелета девушки, лежащего на дне у ворот шлюза. Никому до Локвуда и в голову не пришло искать Источник там, где есть вода. Но в шлюзах-то она не проточная, а стоячая, улавливаешь? А Локвуд до этого додумался. Ну, а дальше все как всегда.

– Да, все как всегда, – повторила я, поправляя упавшую на лоб прядь.

– Когда Локвуд с той девушкой пришел сюда, они все еще были такие заведенные, никак не могли успокоиться. Все хихикали, смеялись... – Гарольд почесал себе нос, взял резиновую печать, приложил ее к подушечке с красными чернилами, потом к бумаге и расписался в получении артефакта. – Теперь я должен записать уровень опасности этого Источника... Люси? Ты меня слышишь? Оценка уровня опасности. Число от одного до десяти.

– Я помню твою систему, помню. Восемь, – сказала я, но Гарольда было уже не остановить.

– Единица – это самый слабый призрак, вроде Серой Дымки, а десятка – самый мощный, такой, как полтергейст, с которым вы с Локвудом справились в ноябре. Ну, тот, который разнес в щепки универмаг, – он подмигнул мне и разразился своим лошадиным смехом. – Восемь, говоришь? Сильный.

– Ага.

– М-м... Хорошо. Оставишь голову мне?

– Нет, Фарнаби хочет, чтобы я проследила за тем, как ее сожгут.

– Ну да, иначе тебе не заплатят, понимаю. Ладно, пойдем.

Он взял стеклянный ящик и открыл заднюю дверцу своей кабинки. Я прошла следом за Гарольдом в голый, отдающий эхом коридор с бетонными стенками, который проходил по периметру крематория. Навстречу нам попались техники в оранжевых комбинезонах, они везли на склад тележки с пустыми призрак-банками и ящиками из серебряного стекла. Другие техники, в таких же ярких комбинезонах, сопровождали агентов, идущих в смотровой зал или возвращающихся из него. Скрипели колесики, слышались голоса, мягко шелестела на ходу ткань комбинезона Гарольда Мейлера. Время от времени слышался громкий тяжелый стук стальных печных дверей, от которого каждый раз вибрировал пол у меня под ногами. А еще я могла уловить на экстрасенсорном уровне ужас – накопившиеся здесь остаточные следы и вибрации от Источников, которые каждый час десятками сжигали в ревущем пламени.

В конце коридора виднелся ряд массивных стальных дверей, над каждой из которых горел зеленый или оранжевый индикатор, эти огни указывали, свободна ли находящаяся за этой дверью печь или находится в работе. Взглянув на огни, Гарольд уверенно подошел к двери номер тринадцать.

– Мне сюда, – сказал он и добавил, похлопав ладонью по ящику. – Попрощайся со своим приятелем, Люси.

– Прощай, голова. Сколько времени у тебя уйдет на подготовку?

– Минут десять, не больше. А пока располагайся удобнее в смотровом зале. Приветтики.

Гарольд исчез в предбаннике печи, а я поднялась на смотровую площадку. Это, в общем-то, был на самом деле огромный железный короб, подвешенный под крышей крематория наподобие гондолы дирижабля. Пол этой гондолы был застлан зеленым ковром, а на нем стояли столики, стулья и даже диванчики, словно в кафе, куда ты зашла, чтобы поболтать со своими друзьями. Иногда смотровую площадку ненадолго открывали для публики, чтобы люди могли своими глазами увидеть, как власти не покладая рук борются с Проблемой. Впрочем, случалось это довольно редко, и, как правило, в зале никого не было, кроме агентов. Мы, агенты, никогда здесь друг с другом не общались, просто молча сидели или стояли у длинного ряда окон, глядя на гудящий внизу ад.

Войдя в зал, я, как всегда, скользнула взглядом по сторонам, чтобы понять, кто здесь. Несколько агентов, пара взрослых начальников. А кто это стоит вон там, спиной ко мне, лицом к окну? Высокий, стройный...

Юноша повернулся, мелькнула его желтая куртка. Понятно, какой-то оперативник из агентства «Тэмуорт». Незнакомый.

У меня свело желудок. От голода, наверное. Когда же я ела в последний раз? И не припомнить. Я подошла к окну, сложила руки на груди и принялась ждать появления Гарольда.

Крематорий был похож на огромную кирпичную скорлупу, заполненную печами, к каждой из которых вел отдельный металлический трап, проложенный над сетью труб и дымоходов. Всего здесь насчитывалось двадцать печей, два ряда по десять. Сама печь – это огромный серебряный цилиндр с написанным черной краской номером. Крыши у печей были прозрачными, и сверху было видно бушующее в них ослепительно-белое пламя. Перед каждой печью – покатый желоб, заканчивающийся раздвижными металлическими дверцами. По этим желобам скатывались в печь предназначенные для сжигания Источники. Возле печей находились техники, следившие за подачей газа в топку. Повсюду, куда ни кинь взгляд, ревело адское пламя, громко клацали тяжелые дверцы печей. Источники вкатывались сквозь эти дверцы в печь и навсегда исчезали в огне.

Сгорали Источники быстро, глазом не успеешь моргнуть.

Говорят, что если подняться на смотровую площадку после наступления темноты, можно увидеть, как в пламени корчатся и сгорают призраки, навсегда покидающие наш мир вместе с предметами, которые притягивали их сюда. Сейчас уже настало утро, и никаких призраков увидеть было невозможно, однако я и здесь, на солидном расстоянии от печей, ощущала долетающие до меня отголоски экстрасенсорных вибраций, похожие на момент тишины, наступивший следом за оборвавшимся диким криком.

– Это место – настоящий ад на земле, – прозвучал у меня в голове голос черепа.

Я оглянулась по сторонам. Рядом со мной никого не было. Я сняла свой рюкзак, поставила его на стул, приоткрыла верхний клапан. Из рюкзака на меня взглянуло бледное лицо, окруженное крутящимися завитками зеленоватого тумана.

– А я думала, ты спишь, – сказала я.

– Сплю? Я? Я мертвый, если ты забыла.

– Или возвратившийся с Другой Стороны, или как там еще.

– Нет, я ниоткуда не возвратился, сижу по-прежнему в своей банке, в которую попал не по своему желанию. Спать? Нет, я не сплю. Я никогда не сплю. И это лишь одна из многих вещей, которые мне недоступны. Я, например, не могу ковырять в носу, не могу вздыхать, как лошадь, когда о чем-то мечтаю, не могу громко портить воздух, когда прыгаю во время зарядки. Этот список можно продолжать еще очень долго, Люси.

– Я тоже ничего этого не делаю, – нахмурилась я.

– Она мне будет рассказывать! Словно мы не живем с тобой в одной комнате. Очень тесной к тому же.

– Сколько раз тебе повторять, что мы с тобой не живем вместе! – проворчала я. – Тоже мне, квартирант нашелся! Между прочим, я всегда могу переселить тебя в

какое-нибудь другое, более подходящее место, в пустую могилу, например. Ты давно уже на это нарываешься.

– Ну, понеслось, – проворчал череп. – Ты сегодня не в духе. Какая муха тебя укусила, хотелось бы знать. Впрочем, неважно. Мы, кажется, говорили о Печах. Так вот, мне здесь не нравится.

Мне, честно говоря, это место тоже не нравилось, но говорить об этом черепу я не стала, тем более что внизу появился, наконец, Гарольд Мейлер.

Он вышел в черных защитных очках на металлический помост перед печью номер тринадцать, держа в толстых рукавицах ящик из серебряного стекла. Задрал голову, нашел меня взглядом, поднял вверх большой палец и дал знак стоявшему возле печи технику. Взвизгнули колесики, и дверцы печи разъехались в стороны. Гарольд поставил ящик на край желоба, расстегнул крышку, и она открылась. Затем Гарольд наклонил ящик, из него вывалился какой-то темный предмет, прокатился по желобу, исчез в бушующем пламени и начал гореть, выбрасывая из себя сноп зеленых искр.

Дверцы печи с грохотом сомкнулись. Гарольд снова показал мне большой палец. Я помахала Гарольду рукой и отвернулась от окна.

– Вот и еще один дух исчез, – сказал череп. – Как все просто. Ужасно просто. Теперь тебе стало лучше, я полагаю?

Я тяжело присела на соседний стул. Мои руки и ноги налились свинцом, и я поняла, что смертельно устала.

– Нет, – ответила я. – Если честно, я вообще ничего не чувствую.

– Бесполезное занятие. Глупое и жестокое.

– Ты считаешь, что отправлять призраков туда, где их место, – бесполезное занятие? Разве это глупо? Или жестоко? – Я взглянула на жуткое лицо в банке, на выступающий под черепом обломок пожелтевшей кости, на ядовито-зеленые облачка эктоплазмы. От всего этого меня отделяет и защищает всего лишь пыльная крышка со слегка заржавевшими уже запорами. – На самом деле, я и

тебя должна была бы туда отправить.

– О, нет, ты этого не сделаешь, – сказал череп. – Только не со мной. Я же твой лучший и единственный дружок. Однако жечь Источники – это действительно бесполезно. Как и ожидать того, что ты когда-нибудь внимательно слушаешь меня. Когда я впервые заговорил с тобой, я предупредил тебя. Ты помнишь, что я тогда сказал?

Я прикрыла глаза. На смотровой площадке было так тепло. Мне уже можно было уходить, но так хотелось отдохнуть еще хоть пару минут.

– То была обычная для тебя угроза. Какая-то чушь насчет смерти.

Череп презрительно хмыкнул.

– Подумать только, с кем мне приходится иметь дело? Кошмар! Полная безнадега! Мозгов меньше, чем у курицы. Нет, «Смерть в Жизни», сказал я тогда, и «Жизнь в Смерти». Сказал, и с тех пор все жду и жду хоть какой-то реакции с твоей стороны. Жду, затаив дыхание, – он пару секунд помолчал, подумал, и добавил: – Затаив дыхание, которого у меня нет.

– Я не откликнулась тогда на твои слова потому, что они лишены смысла, – лениво пробормотала я. – И теперь они мне кажутся такой же чушью.

Я скрестила руки на груди, потянулась, откинувшись на спинку стула...

– Люси?

Только сейчас я заметила, что рядом со мной кто-то стоит. Неужели задремала в тепле? Я выпрямилась, заморгала глазами. Это был Гарольд Мейлер в своем оранжевом комбинезоне, усыпанном черной пылью, от которой пахло костром. Он улыбался, потирая свои большие нескладные ладони.

– Вздремнула? Ну и хорошо. Все закончено, пора идти домой.

– Да, конечно. Я не спала, просто отдыхала.

Но я же не слышала, как он подошел, значит, все-таки провалилась ненадолго в сон, наверное.

Я поднялась на ноги, потянулась за своим рюкзаком и обнаружила, что его верхний клапан приоткрыт. Большая часть банки была не видна, однако один ее край предательски высывался наружу. Призрак в банке скрылся из вида, однако зеленоватое свечение осталось. Я туго затянула горловину рюкзака, накрыла клапаном. Посмотрев после этого на Гарольда Мейлера, я увидела, что он как-то странно улыбается мне.

– Любопытное приспособление ты с собой таскаешь, Люси, – сказал он. – Очень громоздкое на вид.

– Ах, это, – равнодушно пожала я плечами. – Да, испытываю заодно новую лампу. Изобретение Ротвелловского института. Так себе лампа, между прочим. И слишком громоздкая, как ты совершенно правильно заметил... Ну, ладно. Так ты говоришь, все закончено?

– Все закончено. Если ты готова, я провожу тебя к выходу.

На часах было уже восемь тридцать утра, когда я, наконец, добралась до крохотной квартирки, в которой (что бы ни болтал на этот счет череп) жила совершенно одна. Это была так называемая «гостинка» на четвертом этаже многоквартирного дома, которую я снимала в Тутинге, неподалеку от металлургических заводов Бэлхем на юге Лондона. Комната моя была квадратной и не очень большой. Собственно говоря, в ней хватало места только для находящейся в вечном беспорядке кровати под окном, раковины рядом с ней и шкафа для всех моих пожитков. У противоположной стены ковер, которым была застелена комната, неожиданно сменялся полосой желтоватого линолеума. Это был закуток, который горделиво назывался кухней.

Что находилось в этом закутке? Видавшая виды газовая плита на две конфорки, крохотный холодильник, откидной столик и притиснутый к углу стул. Вот и все «удобства». В туалет и душ нужно было ходить в противоположный конец коридора, они были общими.

Что и говорить, не самым уютным в мире местечком была моя «квартира». Стены комнаты не красили уже бог знает сколько лет, а в кухонном закутке при готовке постоянно появлялся запах тушеных бобов, причем независимо от того, что пыталась приготовить я сама. Край линолеума загнулся вверх, и я постоянно об него спотыкалась. Много переживший на своем веку матрас на моей кровати тоже оставлял желать лучшего. Но зато комната была теплой, сухой и достаточно просторной, чтобы разместить между дверью и кроватью все мое рабочее оборудование, включая банку с черепом. Честно говоря, на внешний вид моей комнаты мне было глубоко наплевать, потому что, придя домой, я почти все время спала. Во всяком случае, я жила здесь, как уже было сказано, четыре месяца, и пока что меня все устраивало. Или почти все.

Вот и этим утром, вернувшись с работы, я, как всегда, сделала короткую запись в своем дневнике, заполнила счет для предъявления в агентство «Ротвелл», а затем поплелась в душ. После этого вынула из холодильника и разогрела готовую еду – конечно, я могла бы что-нибудь и сама приготовить, но, поверьте, не было сил. Наконец я в одной пижаме уселась на кровать и принялась жевать жареную картошку, обмакивая ее в кетчуп, время от времени откусывая от бургера и прислушиваясь к шуму уличного движения за окном.

Из банки донесся знакомый голос.

– Ну, вот мы снова здесь, и снова вместе, только ты и я. Два соседа по комнате, два веселых друга. О чем поговорим?

– Ни о чем, – ответила я, макая бургер в кетчуп. – Через минуту я ложусь спать.

– Ну, что ж, может, лечь спать действительно будет правильно, – после небольшой паузы сказал череп. – Эх, видела бы ты сейчас себя со стороны! Волосы влажные, торчат во все стороны, лицо опухло, сидишь и ешь свой фастфуд прямо в кровати... Одна... Жалкая... Если бы у меня были слезные железы, расплакался бы, право слово! Даже одеяло не расправила, так на скомканном и сидишь.

– Как хочу, так и сижу. Не мешай, я проголодалась.

– Да-да, голодная, одинокая, несчастная... И ни одного друга у нее нет – кроме меня, разумеется.

– Здравствуйте! Да у меня полно друзей.

– Рассказывай! Я знавал глухонемых паралитиков, у которых было больше друзей, чем у тебя.

Я вдруг поняла, до чего же я устала и до чего осточертела мне моя жизнь. С трудом заставив себя вылезти из кровати, я поплелась ставить чайник.

– Эй, осторожнее иди по комнате, чтобы не налететь на кого-нибудь из своих приятелей или подружек, – ехидно сказал мне вслед череп. – Я даже не могу разглядеть противоположную стену, она вся загорожена девушками и парнями, которые набились сюда, чтобы поболтать с тобой... – Не дождавшись моего ответа, череп хмыкнул, и, по всей видимости, решил меня добить: – Послушай, Люси, я злобный, живущий в банке череп. Во мне нет ни капельки сострадания. И уж если даже мне стало жаль тебя, я на твоём месте задумался бы.

Я подняла с пола обертки от своего завтрака, хотела выбросить их в мусорную корзину, но вдруг подумала, что это глупо – для кого я стараюсь навести порядок, для себя, что ли? И я бросила смятые бумажки назад на пол, а затем медленно вернулась и опустила рычажок на банке, чтобы избавить себя от издевательств говорящего черепа.

За окном шумели машины, но даже несмотря на это, меня охватило блаженное чувство тишины и покоя. Я решила, что чай может подождать, задернула занавески, легла под одеяло и закрыла глаза.

Спустя пять часов я проснулась в той же позе – неужели ни разу не перевернулась за это время с боку на бок? Солнце стояло почти в зените, его лучи проникали в комнату сквозь железные решетки на окне и щель в занавеске, ложились золотыми пятнами на мою кровать. Я отлежала себе шею, все мускулы моего тела сладко ныли от усталости. После сна мне было трудно прийти в себя. Еще труднее – начать двигаться. И только сейчас я поняла, что проснулась не сама по себе – кто-то звонил в мою дверь.

Я неуверенными шагами двинулась к двери, пытаюсь сообразить, кто бы это мог быть. Клиенты сюда не приходили, я договаривалась с ними по телефону. Кто

же тогда? Девушка-китаянка с третьего этажа, которая в конце недели забирает мои вещи, чтобы утром в понедельник вернуть их мне выстиранными и выглаженными? Действительно, сегодня понедельник. Однако она никогда не звонит ко мне, всегда оставляет аккуратный пакет с юбками, блузками и нижним бельем прямо перед дверью. Заплатила я ей вперед. Нет, это не китаянка.

Есть у меня еще сосед напротив, нервный такой джентльмен средних лет, который носит целую кучу железных оберегов на шляпе и провонял всю лестничную клетку своей лавандой.

Но он крайне редко перебрасывается со мной хотя бы парой слов и всегда испуганно отскакивает в сторону, когда я прохожу мимо него со своей рапирой. Его очень беспокоит и тревожит моя профессия.

Нет, это и не он, конечно.

Ну, кто еще? Квартирная хозяйка? Эта злобная чешка сидит на первом этаже, как накачавшийся водкой паук, и оттуда внимательно прислушивается к каждому стуку и скрипу в доме. И там же, внизу, искусно отлавливает всех жильцов, вовремя не заплативших ей. Но у меня заплачено за три месяца вперед, с какой стати ей было подниматься на четвертый этаж, чтобы увидеть меня?

Нет, и не она это тоже.

Не знаю, кто это. Позевывая, моргая глазами, почесываясь под пижамой, я подошла к двери, сняла с петли крючок.

Продолжая позевывать и почесываться, я открыла дверь.

А за ней стоял Локвуд.

Локвуд за моей дверью стоял, можете себе представить?

Локвуд.

Увидеть его спустя четыре месяца стало для меня шоком. Вот он стоит передо мной на расстоянии вытянутой руки, такой знакомый и одновременно такой незнакомый. Стоит на нашей убогой лестничной клетке в своем длинном темном пальто и все еще держит свою правую руку на кнопке моего дверного звонка. Его длинные волосы, как всегда, спадают над бровями, сквозь локоны блестят знакомые глаза. Встретившись со мной взглядом, Локвуд улыбнулся, и его улыбка была вовсе не такой ослепительной, как на фотографиях в газете. Она была теплой, но в то же время выжидающей – редкая для него разновидность улыбки, замечу вам. И в то же время это была именно та улыбка, увидеть которую я мечтала сотни раз. Мечтала, а теперь вижу ее, она настоящая и адресована именно мне. Под пальто на Локвуде был все тот же старый его костюм, все с теми же следами когтей, которые появились на нем в ту ночь, когда мы вместе вскрывали могилу миссис Баррет.

Впрочем, костюм этот был модным, элегантным, угольно-серым в мелкую, едва заметную лиловую полоску, и как всегда, слегка тесноватым. Узнала я и галстук – его я сама подарила Локвуду год назад после расследования дела о Рождественском трупе. Значит, он сохранил его, значит, этот галстук ему нравился...

Я моргнула и перестала думать о тряпках.

Локвуд стоял у моей двери, Локвуд, вы понимаете?

Впрочем, все, о чем я так долго рассказываю, промелькнуло у меня в голове за долю секунды.

– Привет, Люси, – сказал он.

Я с трудом избежала самого худшего сценария, в котором мой рот оставался бы широко раскрытым и из него вылетало бы только удивленное шипение. Но и разыграть сцену, которую я столько раз рисовала четыре месяца в своем воображении, – сцену, где я смотрю на пришедшего Локвуда спокойно и с достоинством, мне тоже не удалось. Получилось нечто среднее.

– Привет, – я оторвала приклеившуюся к ночной пижаме руку, поправила упавшую на глаза прядь волос. – Привет...

– Прости, что я так рано, – сказал Локвуд. – Вижу, что разбудил тебя.

Пока мы все вместе жили на Портленд-Роу, я спокойно расхаживала в пижаме по всему дому. Сейчас, когда мы стали работать порознь, меня почему-то ужасно смущало то, что Локвуд застал меня в таком виде. Забавно. Я скосила глаза вниз. Ну, конечно, и пижама-то на мне была не самая лучшая – серая, поношенная. Я надевала ее только на то время, когда мое белье отправлялось в стирку.

В стирку!.. Я похолодела от ужаса. Сегодня мое белье как раз должны были принести из стирки! И если этот пакет лежал возле моей двери...

Я, как журавль, вытянула шею, покрутила головой по сторонам. Нет, пакета у моей двери не было. Ну, хорошо, хоть с этим повезло.

– С тобой все в порядке? – спросил Локвуд, с интересом наблюдая за мной. – Или что-то не так?

– Нет-нет-нет, все хорошо, все прекрасно, – я глубоко вдохнула. Ну, старая пижама на мне – подумаешь, важность какая! С этим мы справимся, еще и не с таким справлялись. Я небрежно подбоченилась, положив руку на бедро, и постаралась изобразить на своем заспанном лице безмятежность. – Да, все отлично.

– Ну и ладно. Ах, да, чуть не забыл! – И с этими словами Локвуд выудил пакет, который все это время держал у себя за спиной. Прозрачный пакет. Прозрачный, чтоб его! – Похоже, здесь... э... вещички разные. Стиранные. И хорошо выглаженные, между прочим. Не знаю, это твои?

– Это... Нет, это моего соседа... То есть соседки. Я присматриваю за ними, – я выхватила пакет и поскорее сунула его в сторону, с глаз подальше.

– Присматриваешь за трусиками своей соседки? Любопытный у вас домик, однако, – заметил Локвуд, покосившись на дверь напротив. – Интересный.

– Ну... на самом деле я... В общем, это к делу не относится, – покраснела я, разгребая пальцами свои свалявшиеся после сна волосы. – Короче, Локвуд, ты-то что здесь делаешь? Каким ветром, так сказать, тебя занесло?

Он одарил меня широкой улыбкой, и я в который уже раз растаяла в ее лучах.

Казалось, что от улыбки Локвуда на нашей убогой лестничной клетке стало светлее, и приторный запах лавандовой плантации моего соседа улетучился. Даже ободранных обоев на стенах я больше не замечала. Ах, как мне хотелось, чтобы я была сейчас одета и причесана как следует, чтобы в лучшем виде была! Увы...

– Да вот, решил поведать тебя, узнать, как ты, – сказал Локвуд и, не давая мне времени ответить, добавил: – А заодно попросить тебя кое о чем. У тебя найдется для меня пара минут?

– Что? А, да... Да, конечно, найдется. Заходи.

– Спасибо.

Он вошел в комнату, и я закрыла за ним дверь.

– Здесь, значит, ты и живешь, – сказал Локвуд, осматриваясь по сторонам.

Да, вот здесь я, значит, и живу. То ли от неожиданности, то ли спросонья я как-то не подумала о том, что увидит Локвуд, зайдя в мою комнату. Я тоже огляделась по сторонам. Боже, какой кавардак! Берлога, а не комната! Скомканное одеяло на кровати, подушка в каких-то древних, неизвестного происхождения пятнах, рваные пакеты из-под чипсов и крошки на століке рядом с раковиной. На полу – беспорядочно сваленные в кучу грязные мешки с солью и железными опилками. Повсюду пыль, мусор. На подоконнике призрак-банка с черепом (он сейчас молчал, и на том спасибо). Ковер... Мало того, что старый и протертый, так я его и не пылесосила ни разу за все время, что здесь живу.

Стоп! А чем, собственно, я должна его пылесосить? Пылесоса у меня нет. Почему я его до сих пор не купила? О, господи, не знаю, почему не купила, не знаю.

– Э... очень милая комнатка, – сказал Локвуд.

Его ровный, дружелюбный тон как-то сразу успокоил меня. Я собралась с мыслями и взяла себя в руки. Да, милая комнатка. Потому что моя, черт побери. Живу, как хочу, и мне это нравится.

– Спасибо, – сказала я. – Может, присядешь? Нет! Не туда! – направившийся было к моей развороченной кровати Локвуд застыл на месте. – Здесь стул есть, вот... Погоди! – Локвуд снова остановился, а я лихорадочно схватила брошенное на спинку стула розовое полотенце, все еще влажное после принятого мной на заре душа.

Под полотенцем обнаружилось мое нижнее белье, которое я кинула сюда еще несколько дней назад. Проклятье!

Локвуд сделал вид, что не замечает моей суеты, деликатно отвернулся к окну.

– Знаешь, я вполне могу и постоять, если что, – заметил он. – Этот район называется Тутинг, правильно? Эти места я знаю плохо, почти никогда здесь не бывал, а вид из окна красивый-красивый...

Я поспешно запихнула свое белье под подушку, задвинула ногой под стул лежавшую на полу грязную тарелку с крошками и, нервно хохотнув, ответила:

– Красивый вид, говоришь? Ну-ну. И что тебе больше нравится – котельная или металлургический завод? Да уж, это не Портленд-Роу.

– Не Портленд-Роу, – кивнул Локвуд, поворачиваясь от окна ко мне. – Согласен.

– Чаю хочешь? – спросила я. – Могу заварить.

– Чаю? Это было бы замечательно. Спасибо.

Заваривание чая – замечательный ритуал, который помогает тебе успокоиться и собраться с мыслями. Если вспомнить, где только мне не доводилось заваривать чай! На походном костерке внутри выложенного из железных цепей круга, с внешней стороны которого проплывала компания Спектров. У могилы, из

которой на моих глазах пытался выбраться очередной выходец с того света. В пустых темных домах, слушая подозрительное шуршание по углам... Честно говоря, я и так не великая мастерица заваривать чай, а сейчас, в присутствии неожиданно появившегося в моей жизни Локвуда, этот ритуал занимал у меня вдвое больше времени, чем обычно. Даже бросить в чашки чайные пакетики, и то удалось мне не с первого раза, сначала я рассыпала всю коробку по столу. В голове бешено крутились мысли, тело казалось каким-то чужим, совершенно не желало меня слушаться.

Здесь был Локвуд. Зачем он пришел? Восторг, возбуждение, подозрительность, дурные и хорошие предчувствия – все эти чувства бушевали во мне одновременно, сталкиваясь друг с другом, как штормовые волны возле берега. Я была настолько смущена, что никак не находила сил, чтобы начать разговор. Любой разговор, хоть ни о чем, хоть о погоде. Наконец я взяла себя в руки и, стараясь говорить небрежно, спросила через плечо:

– Как у вас дела? Судя по тому, что о вас часто пишут в газетах, неплохо. Не то чтобы я специально за вами следила, просто... Я рада за вас. Вспоминаю вас... иногда. Не часто, нет, – тут я откровенно солгала. Думала я о них и вспоминала их почти постоянно. – Ты как сейчас пьешь чай – с сахаром или без?

Локвуд в глубокой задумчивости рассматривал мой замусоренный ковер, потом тряхнул головой, словно отбрасывая прочь свои мысли, и ответил:

– Послушай, Люси, мы не виделись с тобой всего четыре месяца. С чего ты взяла, что за такое короткое время я вдруг начал пить чай с сахаром? Без сахара, конечно... – тут он впервые заметил призрак-банку с черепом, легонько шлепнул по ней ладонью и широко улыбнулся. – А как поживает наш старый приятель?

– Череп-то? Ну, поживает, если можно про него так сказать. Помогает мне иногда...

Тут я заметила, что эктоплазма в банке заколыхалась – проснулся мой дружок, только этого мне не хватало! К счастью, рычажок на крышке банки был опущен, и я, по крайней мере, не услышу, что сейчас начнет нести ненавидевший Локвуда череп.

Я открыла дверцу маленького холодильника, чтобы достать из него бутылочку с молоком.

– Взяли кого-нибудь на мое место? – с напускной небрежностью спросила я. – Нового агента?

– Я думал над этим, но пока мы никого не взяли, – ответил Локвуд, почесывая переносицу. – Джордж наотрез не хочет никого брать. Так и крутимся втроем после твоего ухода.

Их по-прежнему трое. С одной стороны, это меня обрадовало, но с другой... как-то не очень. Я же знаю, кто у них третий в команде! Точнее, третья.

– Ну, а как Джордж? – спросила я.

– Старина Джордж? Да по-прежнему.

– Все экспериментирует?

– Ага. Экспериментирует, строит теории. Дикие, как всегда. Все пытается найти решение Проблемы. У Джорджа появилось очередное увлечение – теперь он покупает все новые приамбасы, которые выбрасывает на рынок Ротвелловский институт. Проверяет, действительно ли они лучше старой доброй соли и железных опилок. Они, разумеется, ничуть не лучше, хуже даже, но он все равно их покупает. Теперь у нас весь дом забит какими-то дурацкими призрак-детекторами, магическими колесами, волшебными палочками-предупреждалками и еще какими-то штуковинами вроде чашек, которые должны звенеть при приближении призрака. Чушь. Ерунда полная.

– Похоже, Джордж ни капельки не изменился. – Я налила в чай молоко, аккуратно завернула крышку на бутылочке. – А как Холли?

– Э?..

– Холли, Холли.

– Хм... в порядке она. Да, у нее все нормально.

– Отлично. – Я размешала ложечкой чай, выудила из чашки пакетик. – Ты не мог бы открыть крышку на мусорном ведре?

– Легко, – он поставил на педаль свою ногу в блестящем лакированном ботинке. Нажал. Я бросила в ведро использованный чайный пакетик. Локвуд снял ногу с педали. Крышка ведра с грохотом упала вниз, закрылась.

– Дружно сработали. Как в старину, – заметил Локвуд.

– Да, навыка не потеряли и по-прежнему без слов понимаем друг друга, – согласилась я, протягивая ему его кружку с чаем. – Итак... ты собирался попросить меня о чем-то. О чем?

Он внимательно посмотрел мне в лицо и сказал:

– Знаешь, я, пожалуй, все-таки присяду. Куда скажешь, мне все равно.

Он сел на стул, я села на кровать. Повисла пауза. Локвуд вертел в ладонях свою кружку с чаем и, казалось, не знал, с чего начать.

– Знаешь, я очень рада тебя видеть, – сказала я.

– Я тоже рад тебя видеть, Люси, – улыбнулся он в ответ. – Ты прекрасно выглядишь. Я слышал от знакомых агентов, что и с работой у тебя все в порядке. По-моему, ты только выиграла от того, что решила стать фрилансером. Честно говоря, меня это несколько не удивляет. Я все знаю о твоих Дарах, и... я очень рад за тебя.

Локвуд почесал у себя за ухом и снова замолчал. До чего же странно, непривычно было видеть его таким потерянным, таким неуверенным в себе! Сердце гулко стучало у меня в груди, и чувствовала я себя ничуть не лучше, чем он, но, к счастью, не мне предстояло продолжать этот нескладный разговор, а ему.

Как я и опасалась, в банке сформировалось светящееся зеленое лицо, и призрак принялся разглядывать Локвуда, строя жуткие гримасы и беззвучно шевеля губами. По губам я читать не умею, однако догадаться, о чем и в каких

выражениях говорит сейчас череп, можно было и без этого.

Я сердито нахмурилась, потом перевела взгляд на Локвуда.

– Прости, – сказала я. – Это я черепу нахмурилась, не тебе. Ты же знаешь, что он за штука.

Локвуд поставил на стол кружку с чаем, затем еще раз обвел взглядом мою комнату.

– Я не уверен, что это подходящее для тебя место, Люси.

– Прости, но это не твое дело.

– Не мое, согласен. И пришел я сюда не для того, чтобы разубеждать тебя. Я это пытался сделать четыре месяца назад, но безуспешно. Ты сделала свой выбор, и я отношусь к нему с полным уважением.

Я неловко прокашлялась и ответила:

– Думаю, что я все тогда правильно сделала.

– Ладно, не будем об этом, – сказал Локвуд, поправляя упавшую ему на глаза прядь. – Давай лучше перейдем к главному. Понимаешь, Люси... мне нужна твоя помощь. Короче, я хочу предложить тебе работу. Как ты на это посмотришь?

Это был тот самый случай, когда время словно застывает. А может быть, напротив, ускоряется так сильно, что за короткий миг ты успеваешь столько всего передумать! Я замерла на месте, вспоминая тот ужасный день в начале бесконечной трудной зимы, когда я покинула компанию. Вспомнила, как мы вдвоем с Локвудом бродили по промерзшему парку и он пытался отговорить меня. А потом мы сидели с ним в кафе над остывшими нетронутыми чашками чая, и это был наш последний разговор, в конце которого Локвуд разозлился на меня и ушел, оставив меня одну за столиком. Вспомнилась мне и последняя ночь, которую я провела в доме на Портленд-Роу. Как подчеркнуто вежливо и отстраненно мы все общались в тот вечер друг с другом! А затем настало промозглое раннее утро, и я неслышно спустилась по лестнице с вещевым

мешком за спиной и призрак-банкой под мышкой. С той поры я сотни раз прокручивала в голове сценарий нашей возможной встречи с Локвудом в будущем. Представляла, как он умоляет меня вернуться в его компанию, даже на колени передо мной встает, а я вежливо, но непреклонно отказываю ему. Я представляла эту сцену, и каждый раз мое сердце сжималось от боли. Рисовала я в своем воображении и случайную встречу с Локвудом где-нибудь лунной ночью по пути на задание или при возвращении с него. Случайная встреча, короткий обмен ничего не значащими фразами, и все, и снова мы расходимся каждый своей дорогой. И массу других ситуаций, в которых мы могли бы увидеться с ним, тоже себе напридумывала за эти месяцы, что уж там скрывать.

Но такая встреча, как сейчас, мне и в голову не могла прийти.

– Повтори еще разок, пожалуйста, – нахмурилась я. – Ты всерьез хочешь нанять меня, я правильно тебя поняла?

– Не думай, что мне так легко просить тебя об этом, но...

– Послушай, Локвуд... – медленно начала я. – Ты прекрасно знаешь причины, по которым я покинула компанию...

Он повел плечами, улыбка на его лице погасла.

– Знаю ли я эти причины? Если честно, Люси, думаю, что никогда не смогу до конца понять их. Ты испугалась тогда, что твой неожиданно сорвавшийся с поводка Дар может каким-то образом причинить вред окружающим, правильно я помню? Но теперь, насколько я понимаю, ты научилась держать его в узде, во всяком случае, так следует из того, каких огромных успехов ты добиваешься, работая фрилансером с другими лондонскими агентствами, – он заметил, что я собираюсь что-то сказать, и покачал головой. – Нет-нет, выслушай меня до конца. Я не прошу тебя вернуться в нашу компанию. Речь идет лишь об одном расследовании. Небольшая работа, всего на одну ночь. Максимум на две. Разовый договор, точно такой же, по которым ты работаешь с «Банчерчем», «Тенди» или любым другим агентством. Всего лишь деловое предложение, и ничего больше. Проще говоря, я хочу нанять тебя как фрилансера. За деньги, само собой разумеется.

– Зачем вам моя помощь? – слегка севшим голосом спросила я. – Судя по газетам, вы и без меня прекрасно справляетесь.

После слов Локвуда я чувствовала себя подавленной. Словно двери какие-то в моей голове захлопнулись, отрезав за собой все мысли.

– Ошибаешься, нам действительно нужна твоя помощь. Тут, видишь ли, какое дело... – Локвуд наклонился вперед, и я заметила шрам на его шее – небольшой, мертвенно-бледный. Раньше этого шрама не было. – Ты права, последние месяцы дела у нашей компании шли хорошо, настолько хорошо, что мы имеем теперь возможность сами выбирать себе клиентов, а не наоборот. Среди них встречаются странные и интересные люди. Например, была у нас недавно одна слепая портниха, которая видела призраков в своей вечной тьме. Но нынешняя клиентка, о которой идет речь, – особый случай. Клиентку эту ты хорошо знаешь. Ее зовут Пенелопа Фиттис.

Что? Вот это сюрприз так сюрприз! Пенелопа Фиттис! Сама Пенелопа Фиттис? Владелица и руководитель старейшего, крупнейшего и самого прославленного агентства парапсихологических расследований? Быть того не может! Наряду с руководителем второго крупнейшего агентства, Стивом Ротвеллом, и еще двумя-тремя магнатами – производителями соли и железа – Пенелопа Фиттис была одной из самых влиятельных фигур во всей стране. Какое-то время я удивленно хлопала глазами, переваривая услышанное, потом сказала:

– Но у Пенелопы Фиттис, если я не ошибаюсь, есть свое агентство. И не самое маленькое, вроде бы.

– Да, но она запала на нас, – ответил Локвуд. – Мы приглянулись ей еще со времен того нашумевшего дела с Кричащей лестницей. А еще сильнее она полюбила нас после того, как мы спасли ей жизнь на том карнавале в прошлом году, помнишь? С тех пор Пенелопа внимательно следит за нашим агентством и время от времени подбрасывает нам работу. Всегда интересную и странную, между прочим. Вот и сейчас у нее появилось предложение для нас. Случай, сразу скажу, загадочный и сложный. Такое дело, где без хорошего Слухача не обойтись.

Я внимательно посмотрела на него.

– Без очень хорошего Слухача, – повторил он.

Я ничего не сказала.

Локвуд поерзал на своем стуле и продолжил:

– Ну, вот... я и подумал, что может быть, ты согласишься помочь нам. Как фрилансер, разумеется. Ведь ты лучший Слухач во всем Лондоне, другого такого я просто не знаю.

Время перестало выкидывать свои штучки и потекло с обычной скоростью. Память тоже успокоилась. Я полностью вернулась в настоящее и заинтересованно спросила:

– А что за случай?

– Я сам еще не знаю.

– Как так? – нахмурилась я. – Еще не знаешь, в чем там дело, а уже втягиваешь меня в него?

– Случай сложный и опасный, вот все, что я знаю. Подробнее о нем Пенелопа Фиттис собирается рассказать на встрече, которую она назначила нам... Под словом «нам» я имею в виду себя, Джорджа и Холли, но если ты согласишься, то и тебя тоже... Так вот, эта встреча должна состояться завтра утром в Доме Фиттис. Ну, ты наверняка знаешь, какой затворницей стала мисс Фиттис, особенно после того случая на карнавале. Так что если она назначила нам личную встречу, речь идет о чем-то действительно важном.

– И все-таки я не совсем понимаю. Почему она хочет поручить это дело именно вам? У нее самой в распоряжении миллион агентов.

– Опять ты за свое... Ну, не знаю я этого, Люси, не знаю. Но если мы справимся с этим делом, у нас наверняка появится масса новых выгодных предложений.

– У вас появится масса новых выгодных предложений, не сомневаюсь, но я-то больше не вхожу в состав агентства «Локвуд и компания», не так ли?

– Я это помню, не сомневайся. Но разве ты не работаешь с другими агентствами, причем весьма успешно?

– Да, работаю, это тебе и самому хорошо известно, но...

– Так в чем проблема? В чем разница?

– Не дави на меня, Локвуд. Ты прекрасно знаешь, что для меня работать с вами и работать с другими агентствами далеко не одно и то же.

Я резко поднялась, схватила влажное полотенце и набросила его на банку с черепом, чтобы не видеть его мерзкую физиономию. Хотя я видела череп лишь краешком глаза, но он такие гримасы корчил, что я просто не выдержала.

Закончив с черепом, я снова опустилась на кровать и спросила:

– Так на чем мы остановились?

– Послушай, Люси, я вовсе не собираюсь на тебя давить, – сказал Локвуд. – Я понимаю, как все это нелепо выглядит – свалился тебе как снег на голову со своими предложениями... Если ты все еще опасаясь того, что можешь причинить нам вред, то шанс на то, что все пойдет не так, как надо, очень невелик. Почти нулевой на это шанс, поверь. Я понимаю, несколько месяцев назад тебя мучили сомнения на этот счет, но теперь, я уверен, ты научилась держать свой Дар под контролем. Так что не думаю, что он может представлять хотя бы малейшую опасность для всех нас. Я понимаю, ты покинула нашу компанию потому, что твой необузданный Дар пугал тебя, стал невыносимой ношей. Потому ты в такой спешке и оставила нас, и это расставание, я знаю, было для тебя таким же тягостным, как и для нас самих. Но давай не будем вспоминать о том, что было, грустное это занятие – прошлое вспоминать. Мы все тогда оказались у разбитого корыта.

Локвуд немного помолчал, покивал головой, а затем заговорил снова.

– Знаешь, я не собираюсь прикидываться, будто нам было легко после твоего ухода. Это был тяжелый удар. Джорджа твой уход буквально подкосил. Да и у тебя неприятные чувства наверняка остались. Не стану скрывать, вновь

работать в одной команде будет делом нелегким для всех нас, и в первую очередь, вероятно, для тебя. Но я уверен, что ты сможешь преодолеть эти трудности, Люси, тем более что речь-то идет всего об одной ночи. Поможешь нам разок, и все. И как знать, может, после этого нам всем станет немного легче. Как знать...

Локвуд печально посмотрел на меня, но где-то в глубине его глаз светилась надежда. Потом он опустил взгляд и принялся рассматривать свои руки. Все, что хотел, он сказал, и добавить ему было нечего. Я тоже опустила глаза и тоже принялась изучать свои руки, внимательно рассматривая царапины на костяшках пальцев, слабые следы не отмывшегося до конца магния на ладони, въевшуюся в кожу черную пыль от железных опилок, оставшиеся под ногтями крупинцы соли. Да, руки у тебя, барышня, нечего сказать! У Фло Боунс и то, наверное, руки лучше твоих выглядят, а ведь она добывает себе пропитание, роясь в речной тине. Пожалуй, череп был прав: далеко не в лучшей форме я нахожусь, далеко не в лучшей. Тогда, в разгар зимы, я перестала следить за собой, махнула на все рукой, пустила на самотек. С тех пор все так и катится.

Впрочем, нет, не все. Может быть, на себя я рукой и махнула, но не на свой Дар, нет. Им-то я как раз занималась постоянно и тщательно. Приручала его. Приручила ли? Пожалуй, да. Постоянное общение со взрослыми начальниками стало для меня хорошей школой. Научило меня управлять своими эмоциями, и теперь я практически никогда не теряла контроль над своими чувствами. Ну, так что? Попробовать рискнуть, что ли? Всего одна ночь... Наверное, все пройдет гладко. Должно пройти.

Возможно, будет правильно, если я соглашусь им помочь. Кстати, хотя бы отчасти искуплю тем самым свою вину перед друзьями, от которых так неожиданно, так резко ушла четыре месяца назад. Бросила их, можно сказать.

Я еще раз окинула взглядом Локвуда. Он сидел сгорбившись, опустив голову вниз. Таким уязвимым, незащищенным я его еще никогда не видела. Да, нелегко ему было прийти ко мне после всего, что я сделала, и я прекрасно это понимала.

– Но есть и другие Слухачи, – сказала я. – И тоже хорошие.

– Кто, например?

– Кэт Годвин.

– Брось. Она в подметки тебе не годится.

– Есть еще Леора Джонс из агентства «Гримбл», Мелита Кавендиш из «Ротвелл»...

– Такие же классные Слухачи, как ты? Сама-то ты веришь тому, что говоришь? У многих из них в друзьях есть говорящий череп?

– Он мне не друг.

– Ну, допустим, – поморщился Локвуд. – Кроме того, все девушки, которых ты назвала, они же не фрилансеры, верно?

Тут он был прав. Во всем прав. Если честно, все эти девочки мне действительно в подметки не годились, что уж там скромничать. Кроме меня за всю историю был только один человек, способный, как я, общаться с призраками. Марисса Фиттис. Но она давно умерла. Какое-то время я сидела молча.

Локвуд вздохнул и начал подниматься со стула.

– Все в порядке, Люси. Я понимаю твое нежелание работать с нами, и не виню тебя за это. Ни капельки. Пойду, сообщу остальным о твоём отказе.

– Полагаю, что если я возьмусь за работу, которую предложила Пенелопа Фиттис, это сделает мне неплохую рекламу, – сказала я.

– Еще какую рекламу, – заинтересованно подхватил Локвуд, вновь опускаясь на стул.

– И я действительно могу оказать помощь агентству «Локвуд и компания», ты говоришь?

– Огромную помощь, Люси.

– И это всего лишь разовый контракт?..

– Да.

– И ты действительно считаешь, что такого Дара, как у меня...

– ...нет ни у кого. И рядом с собой я хотел бы видеть только тебя.

Странно, однако, как мы порой принимаем решение и делаем выбор. Не обдумываешь варианты, не ищешь аргументы за и против, просто что-то толкает тебя в сердце, и все. На протяжении всего разговора я твердо была намерена отказать Локвуду. Даже в самом конце, когда он начал подниматься со стула, чтобы уйти, я готова была открыть рот, извиниться еще раз и пожелать ему всего хорошего. Но тут в моей голове понеслись картинки – я увидела Локвуда и Джорджа в доме на Портленд-Роу, и себя вместе с ними, и Печи «Фиттис», и свое возвращение из Клеркенвелла по пустынным утренним улицам Лондона. Я вновь увидела бездарную, беспомощную команду из агентства «Ротвелл», с которой мне довелось работать прошлой ночью. А еще я увидела мистера Фарнаби – пузатого, противного, бессердечного, с фляжкой в руке.

И сердце толкнулось у меня в груди, и я поняла, как прекрасно, как чудесно будет вновь поработать в знакомой компании своих друзей, которым ты веришь и которые верят в тебя. Хотя бы раз. Хотя бы еще раз.

– Хорошо, – беззаботным тоном сказала я. – Только знай, что моя ставка повысилась. По сравнению с остальными фрилансерами-Слухачами я получаю на десять процентов больше. А еще я не привыкла слушаться чьих-либо приказов. Я сама по себе. Независимый консультант, сама выбираю план действий и сама оцениваю степень риска. Все, что будет делаться, должно быть заранее согласовано между нами. Если тебя устраивают мои условия и если ты считаешь, что Джордж и Холли тоже согласятся с ними, тогда я не вижу причин, чтобы отклонить твоё предложение.

– Люси, – сказал Локвуд, и глаза его заблестели. – Люси... Спасибо тебе, я знал, что ты не подведешь нас.

И только теперь по лицу Локвуда расплылась его ослепительная, знакомая улыбка, а я привычно растаяла в ее лучах.

Каннибал из Илинга

6

– Значит, снова Локвуд?.. Ну-ну...

– В чем дело?

– Ладно, не юли. Я видел тебя с ним. И как это понимать?

Стояло утро следующего дня. Я поднялась рано и сейчас одевалась перед вправленным в дверцу шкафа зеркалом. Полночи я не спала, все думала о Локвуде, его предложении, о своем согласии вновь поработать с ним. Это всегда плохо, когда ты не можешь уснуть, но все же, скажу я вам, лежать и ломать голову над тем, все ли ты правильно делаешь, намного приятнее, чем иметь дело с Рейзами и Спектрами. Мысли, как и призраки, во тьме становятся сильнее, и даже к утру мои сомнения не улетучились, я все еще не была уверена в том, что поступаю правильно. Чтобы отвлечься, я принялась решать, что надену, отправляясь в Дом Фиттис. Разумеется, когда тебя приглашают в столь престижное место, ты должен прийти туда в лучшем виде.

– Я вижу, что ты подписалась на какую-то глупость, – сказал череп. – Целый час крутишься перед зеркалом. Обычно на одевание у тебя уходит тридцать секунд, включая то, что ты называешь «умыванием». Куда же это ты намылилась?.. – задумчиво продолжил он. – На свидание?.. Нет. Точно нет. Во-первых, слишком рано, а во-вторых, тот парень не слепой, чтобы...

Я оглянулась через плечо. С тех пор, как я убрала прикрывавшее банку полотенце, череп не переставал что-то говорить, шевеля своими зелеными губами. Сначала я не обращала на него внимания. Локвуда череп очень не любил, почти ненавидел, так что ничего хорошего или ценного от него сейчас не услышишь. Но потом мне стала надоедать царившая в комнате липкая тишина и, в конце концов, достала меня. Многие люди спасаются от такой тишины тем, что

включают радио. У меня вместо радио был говорящий призрак в банке.

– Разумеется, я не на свидание собираюсь, – огрызнулась я. – Хватит глупости городить, – я еще раз окинула взглядом свой парадный прикид. Давно я так не одевалась и потому чувствовала себя в нем неловко. – Это деловая встреча.

– Ну, да! – ехидно хихикнул череп. – Так я тебе и поверил! Ты решила вернуться к ним, да? Снова захотела связаться с этими дурнями?

– Я к ним не возвращаюсь, – ответила я. – Просто согласилась им помочь. Всего один раз.

– Один раз? Другому кому рассказывай, только не мне! Раз-два, и готово дело, будешь снова спать на своем тесном чердаке у Локвуда и ворковать с этой Холли Манро. Кстати, готов биться об заклад, что это она сейчас живет в твоей бывшей комнате.

– Нет, этого не может быть.

– Не может быть! Вот увидишь!

– У Холли Манро есть свой дом, она не может спать на Портленд-Роу.

– И тебя не волнует, где она спит?

– Нисколько.

– Ты очень правильно поступила тогда, когда ушла от них, – нравоучительно заявил череп. – Ты приобрела то, что называется независимостью. Ценная вещь. Не стоит от нее отказываться. А теперь давай по существу. Это платье не годится. Слишком тесное.

– Ты так думаешь? Мне этого не кажется.

– Потому что ты видишь себя только спереди, моя дорогая.

Череп явно нарывался на скандал. Мне затевать склоку совершенно не хотелось. Не до этого было. Меня и так терзали сомнения, а тут еще в перепалку с черепом ввязываться? Нет уж, спасибо. После того как я увидела в катакомбах под универмагом братьев Эйкмер пустотелый призрак, явившийся мне в виде умирающего Локвуда с бледным окровавленным лицом, я дала себе слово держаться впредь как можно дальше от живого Локвуда. Я не хотела ему такого будущего и решила сделать так, чтобы наши с ним пути разошлись. Навсегда. Но стоило Локвуду один раз прийти ко мне, и я сдалась, а теперь меня буквально разрывало на части. Правильно я поступаю, согласившись один раз помочь Локвуду, или нет, я не знала, но уверена была лишь в том, что уж как-нибудь обойдусь в этой ситуации без черепа с его дурацкими советами.

Впрочем, кое в чем к мнению черепа я все же прислушивалась и потому сняла свое парадное платье и перелезла в повседневную юбку и легинсы.

– Меня ты, разумеется, с собой не возьмешь, – мрачно сказал череп, наблюдая за тем, как я пристегиваю к поясу свою рапиру.

– Не возьму, можешь не сомневаться.

– А ведь случай-то тяжелый, сложный. Я тебе понадобится. Возьмешь, я знаю, что возьмешь!

– Сегодня состоится только предварительная встреча. Если мы... то есть «Локвуд и компания» возьмутся за это дело, я вернусь и заберу тебя. Может быть.

– Ну и пожалуйста, – после некоторой паузы сказал череп. – Не очень-то и хотелось. И вообще, оставь меня в покое.

– Да с удовольствием.

– В конце концов, не больно ты мне и нужна. Без тебя обойдусь. А поговорить могу и с другими людьми.

– С кем это, например? – хмыкнула я. Ох, и достал же он меня, этот череп!

– Я же сказал, с людьми.

– Чушь. С кем кроме меня ты когда-нибудь разговаривал? Ну, с тех пор, как стал черепом, я имею в виду. Ни с кем.

– Ошибаешься, – проскрипел череп. – Однажды я разговаривал с самой Мариссой Фиттис. Так что знай, ты не одна такая на свете, мисс Всезнайка-Зазнайка.

– В самом деле? – удивилась я. – Не знала. И когда же это было?

– У меня что, часы и календарь здесь есть? Не знаю. Давно это было. Когда меня нашли в канализационном коллекторе в Ламбете, то отмыли и принесли ей. Она задала мне несколько вопросов, а потом запихнула в эту банку.

– А в канализационный коллектор в Ламбете ты как попал?

– Лучше и не спрашивай, – скривился череп. – Жизнь я кончил плохо.

– Догадываюсь, – я посмотрела на череп. За многие месяцы споров, раздраженного обмена репликами и пустой болтовни он впервые приоткрыл мне завесу над своим прошлым. Он, если не врет, разговаривал с самой Мариссой Фиттис, легендарной основательницей самого первого агентства пара-психологических расследований. С Мариссой Фиттис, которая оставалась до меня единственной, кто мог общаться с призраками. А еще она была бабушкой нынешней хозяйки агентства – той самой женщины, с которой у меня на сегодня назначена встреча. С Мариссой Фиттис, нашей национальной героиней. Круто. Я закончила вертеться перед зеркалом, принялась искать глазами, куда я бросила свою кофту. – И какой же она была, Марисса Фиттис?

– Страшная, ужасная женщина, – снова поморщился череп. – Волевая и бессердечная. При желании такое жалкое агентство, как «Локвуд и компания», она могла бы проглотить в один миг, даже без запивки. Если ее внучка такая же, то вы отправляетесь прямо тигру в пасть. Идиоты.

– Так, значит, она действительно могла разговаривать с призраками.

– Само собой. Она вообще много чего могла. Ты младенец по сравнению с ней, Люси. Как много вопросов ты сегодня задаешь, дорогая, – продолжил череп. – Знаешь, я столько всякого еще мог бы тебе порассказать... но при условии, что

ты бросишь эту свою затею с Локвудом.

– Звучит заманчиво, – согласилась я, – но сегодня утром тебе придется поболтать с самим собой. Я ушла, пока.

* * *

Разговор с черепом задержал меня, но я опоздала бы и без этого. Прошлой ночью в туннеле на Северной линии появился Спектр, и там до сих пор работали бригады, засыпая все солью. Сама эта ветка метро оказалась, естественно, закрыта. Короче говоря, на Черинг-Кросс я приехала с пятиминутным опозданием и, пыхтя и ругаясь себе под нос, бросилась бегом вверх по Стрэнду к Дому Фиттис, перед которым уткнулась в толпу людей, пришедших к агентству, чтобы обратиться за помощью. В основном это были жители домов, в которых появились призраки, или просто отчаявшиеся горожане, и такая толпа, в принципе, собиралась здесь почти постоянно. Еще пять минут я энергично протискивалась ко входу, там мне пришлось объясняться с медлительным хмурым швейцаром. Все это напоминало полосу препятствий, которую в сказках должен преодолеть герой перед тем, как добраться до своей принцессы. К этому времени я опаздывала уже на пятнадцать минут. Можете представить, мне даже после сонного швейцара не повезло – зажало вращающимися дверями край куртки, и пришлось сделать два круга, прежде чем я сумела освободиться.

После этого я, наконец, ввалилась в вестибюль. Здесь меня поджидало новое испытание – длинная стойка, за которой выстроились в ряд аккуратно одетые, неотличимые друг от друга портье с прилизанными, блестящими от бриолина волосами. Один из них посмотрел на меня пустыми глазами, растянул губы в дежурной улыбке.

Я одернула свою юбку, отбросила назад волосы, промокнула – совершенно безуспешно! – вспотевший висок рукавом куртки и начала:

– Доброе утро! Я...

Меня перебил портье, стоявший рядом с первым.

– Доброе утро, мисс Карлайл. Если угодно, пройдите, пожалуйста, вот сюда, по коридору, в конференц-зал. Ваши коллеги уже там. Мисс Фиттис примет вас с минуты на минуту.

– Благодарю вас, – облегченно вздохнула я. Кончились колдовские чары. – Дорогу я знаю.

В вестибюле я прошагала мимо железного бюста старой знакомой моего черепа, Мариссы Фиттис. Прошла, грохоча по холодному мрамору своими подкованными тяжелыми башмаками, через дубовые с позолотой двери. Вошла в конференц-зал с высокими, выходящими на оживленный сейчас Стрэнд, окнами. Сквозь них проникал яркий солнечный свет, рассыпал свои блики на стеклянных колоннах, внутри которых хранились экспонаты из коллекции Фиттис. Вот они, надежно спрятанные за толстым серебряным стеклом – девять легендарных парапсихологических предметов, найденных еще в первые годы работы основательницей прославленного агентства. Маленький гробик с Фрэнк-стрит. Металлическая рука Гёделя. Кости Верзилы Хью Хенретти. Жуткий зазубренный нож Мяслика из Клэпхэма... По ночам загнанные под стекло призраки светились и плавали внутри колонн; сейчас все выглядело черно-белым и оставалось неподвижным.

Рядом с колонной, посвященной нашествию призраков на поместье Камберленд, стояли три человека и изучали выставленную за стеклом окровавленную ночную рубашку. Вот теперь, когда я увидела их, у меня по-настоящему загрохотало сердце в груди и по-настоящему сдали нервы. Сейчас я чувствовала себя намного хуже, чем две ночи тому назад, когда охотилась с зеркальцем в руке за призраком Эммы Марчмент.

Каким бы опасным ни оказалось дело, которое собиралась поручить нам Пенелопа Фиттис, именно этот момент был ужаснее всего. Именно этот момент моей первой встречи со своими бывшими коллегами – Локвудом, Джорджем и Холли Манро.

Я выдавила на своем лице то, что должно было изображать беззаботную, спокойную улыбку. Услышав мои шаги, все трое обернулись. Я подошла к ним.

Ну, с Локвудом я вчера уже виделась, конечно, однако сегодня все стало иначе.

Вчера он был гостем в моем доме, гостем, пришедшим просить о помощи, и чувствовал себя так же стесненно, как и я сама. Сегодня я была посторонней, а он, как всегда, лидером в своей компании. Теперь неловко чувствовала себя только я. Пока я приближалась, Локвуд выглядел спокойным и даже слегка расслабленным, и я была очень благодарна ему за это. Он дружелюбно улыбнулся и сказал:

– А вот и она! Очень рад видеть тебя, Люси.

На Локвуде был знакомый мне узкий темный костюм. Волосы на голове Локвуда были зачесаны назад и, как мне показалось, слегка блестели от бриолина. Этого я раньше за Локвудом не замечала. Похоже, к сегодняшней встрече он готовился тщательнее, чем обычно.

Для меня, что ли, старался? Как бы не так! Для Пенелопы Фиттис, для кого же еще!

– Привет, Локвуд, – сказала я, а затем повернулась к Джорджу.

В последний раз я видела его четыре месяца назад. Джордж Каббинс, второй после Локвуда человек в команде. Ученый-самоучка, исследователь экстраординарных парапсихологических явлений и знаменитый неряха. Вот и сегодня на нем была выдававшая виды футболка с какими-то подозрительными пятнами и обвисшие потертые джинсы, бросающие вызов хорошему вкусу и законам земного притяжения. В элегантном интерьере Дома Фиттис он смотрелся как попавшая в салат сосновая шишка. Что ж, приятно узнать, что есть вещи, которые никогда не меняются.

Вещи не меняются, это да, зато люди... Джордж выглядел похудевшим и изможденным. И постаревшим даже, потому что у него в уголках глаз появились морщинки. До чего же сильно он изменился всего за каких-то четыре месяца! Да, конечно, нам, агентам, приходится постоянно ходить по тонкой грани между жизнью и смертью, мы прожигаем свою юность, каждую ночь сражаясь с выходцами с того света. Но чтобы так сильно и так быстро? При виде Джорджа мое сердце пронзила острая боль.

– Привет, Джордж, – сказала я.

– Привет, Люси.

Пока Джордж произносил эти два коротких слова, я внимательно следила за его лицом. Нет, улыбки я не ждала. Этого от Джорджа никогда не дождешься. Его лицо, как всегда, по форме, цвету и фактуре напоминало молочный пудинг. Много ли эмоций может отразиться на поверхности пудинга? О настроении и чувствах Джорджа можно было – и то с известной долей вероятности – догадаться, лишь внимательно изучая изгиб его губ, по выражению глаз, спрятанных за толстыми стеклами очков. О том, что Джордж в хорошем расположении духа, говорил, например, и характерный жест, которым он поправлял эти очки на своем широком носу.

Ничего, что говорило бы о том, что Джордж в хорошем расположении духа, сегодня на его лице не читалось. Ничего.

«Твой уход буквально подкосил его», – вспомнились мне слова Локвуда, которые он произнес вчера.

– Рада видеть тебя, – сказала я. – Давненько не виделись.

– Рада? Неужели? – спросил Джордж.

– Забавно, но все мы только что как раз говорили о том, как будем рады видеть тебя, Люси. Правда, старина? – И он хлопнул Джорджа по плечу.

– Да, – сказал Джордж. – Говорили.

– И Холли тоже ждала этой встречи, – продолжил Локвуд. – Она много слышала о твоей работе фрилансером. Где ты работала, с кем. Ведь ты и с агентством «Ротвелл» часто пересекалась, не так ли, Люси? Надеюсь, потом расскажешь нам обо всем этом поподробнее.

Говоря о Холли, Локвуд повел рукой в ее сторону. Я тоже повернула туда голову.

В отличие от Джорджа, Холли нисколько не изменилась. Все с таким же прелестным кукольным личиком, все так же безукоризненно одетая. Даже похорошела, пожалуй. Ну, это, вероятно, потому так кажется, что она очень

тщательно готовилась к этой встрече. Не со мной, ясное дело, а с Пенелопой Фиттис.

Сегодня на Холли было такое облегающее платье, в котором не только ходить – дышать страшно. На мне оно разлезлось бы по швам в две секунды, стоило лишь разок плечами повести. Вздумай я надеть его на себя, оно достало бы краем подола только до середины моего топика, а поднятые руки так и остались бы склеенными над головой, и тыкайся потом, как дура слепая, полуголая во все стенки. Вот такого сорта платье. Хорошее. Для любителей знать все подробности могу добавить, что голубое.

Если четырехмесячная разлука с Локвудом и Джорджем показалась мне целой вечностью, то по Холли Манро я за это время ничуть не соскучилась. Отчасти, быть может, потому, что уж слишком часто видела ее очаровательную мордашку на газетных фотографиях. А возможно, и потому, что всю зиму Холли постоянно присутствовала в моем мозгу в качестве черной полыньи, в которую я сваливала все свои мрачные мысли. Скорее всего, я слишком долго просидела, словно эскимос, на краю этой полыньи, вглядываясь в нее.

– Привет, Холли, – сказала я. – Как поживаешь?

– У меня все прекрасно, Люси. Очень рада вновь тебя видеть.

– Я тоже. Великолепно выглядишь.

– Спасибо, ты тоже. Фриланс явно пошел тебе на пользу. Я постоянно слежу за твоими успехами. Очень много хорошего слышала о тебе. Думаю, что ты в полном порядке.

В свое время подобный разговор привел бы меня в тихое бешенство, потому что каждое слово в нем было ложью. За моими успехами она следит, как же! Они интересуют ее не больше, чем марка зубной пасты, которой я пользуюсь. Даже еще меньше, поскольку свою зубную пасту она давно выбрала – вон как сияют у нее зубы, когда она улыбается! Сказала, что я хорошо выгляжу? Тоже ложь. Не выгляжу я хорошо, совсем не выгляжу, сама знаю. Особенно сейчас – с растрепавшимися волосами, вспотевшая от волнения. Распаренная, покрасневшая, разобранная и внутри и снаружи.

Но не вступать же мне с пол-оборота в конфликт с Холли? Нет, конечно. Проще сделать вид, что принимаешь ее ложь за чистую монету.

– Да, у меня все отлично, спасибо, – сказала я. – Только вот вид у меня... Не догадалась платье надеть, а надо было.

– Можешь вот это примерить, – мрачно предложил Джордж, постукивая ногтями по стеклянной колонне, внутри которой хранилась окровавленная ночная рубашка наследницы поместья Камберленд. Она была на ней в ту ночь, когда в ее спальню вошел убийца.

Локвуд рассмеялся. Холли рассмеялась. Принимая во внимание свое положение, заставила себя рассмеяться и я.

Вообще-то говоря, Джордж шутит крайне редко. У него улучшилось настроение? Я внимательно взглянула на его лицо. Нет, не похоже.

Наш смех отзвучал, оборвался, и повисла неловкая тишина, которую прервал Локвуд.

– Интересно, долго еще нас будут здесь мариновать? – не обращаясь ни к кому конкретно, спросил он.

Снова пауза, потом в нашу оживленную беседу вступила я.

– По-прежнему неизвестно, что от нас хочет мисс Фиттис?

– Еще нет.

– А до этого вы на нее уже работали?

– Лично на нее – нет, и сейчас тоже, кстати, – пояснил Локвуд. – Просто время от времени она сводит нас с выгодными клиентами, вот и все.

– Ясненько.

– Сколько ты зарабатываешь? – неожиданно спросил Джордж, безучастно уставившись куда-то в пустоту между колоннами. – Фриланс – выгодное занятие?

– Я? – слегка оторопев, переспросила я и тут же вспомнила о том, что до сих пор не отправила Фарнаби счет за свою последнюю работу. А пока я этого не сделаю, мне не заплатят. – Почему ты спросил? Это имеет какое-то значение?

– Нет. Просто на те деньги, которые мне платит Локвуд, прожить невозможно, вот я и подумал, что твои-то доходы, наверное, выросли.

– Ну, да, пожалуй. Да, выросли. С деньгами у меня все в порядке.

– Так сколько же ты зарабатываешь?

Я открыла рот и тут же закрыла его, заметив, как нахмурился Локвуд. Ему наш с Джорджем разговор был явно не по душе. По счастью, отвечать на вопрос мне не пришлось, потому что как раз в эту секунду в конференц-зале появился слуга и объявил о том, что мисс Пенелопа Фиттис готова нас принять.

Лидерами в войне с возникшей в стране Проблемой были два крупнейших агентства парапсихологических расследований. Если агентство «Ротвелл» славилось своими новаторскими идеями и изобретениями, то агентство «Фиттис» считалось старейшим, крупнейшим, слегка старомодным и самым престижным. Его глава, Пенелопа Фиттис, обладала огромным влиянием и весом, но при этом крайне редко появлялась на публике, особенно после покушения на ее жизнь прошлой осенью, и редко покидала Дом Фиттис. Промышленники, политики и прочие знаменитости сами приходили сюда, чтобы встретиться с ней, а для простых людей Пенелопа Фиттис была скорее не живой женщиной, а неким символом, знаковой фигурой. Быть приглашенным на встречу с ней считалось высоким признанием с ее стороны и большой редкостью.

Личные апартаменты хозяйки агентства располагались на верхнем этаже здания, но для того чтобы встретиться с нами, она решила спуститься в комнату для приемов, расположенную неподалеку от вестибюля, так что идти пришлось недалеко. Комната для приемов была выдержана в коричневых и золотых тонах.

Стоявший в дальнем углу, возле выходившего на Стрэнд окна, массивный стол делал ее похожей на кабинет какого-нибудь министра. Кроме стола в комнате стояли удобные стулья, мягкие диванчики и другая старинная мебель. На стенах виднелись многочисленные фотографии в застекленных рамках, здесь же висела коллекция древних папир. В нагретой солнцем комнате пахло мастикой для пола и дорогим мебельным лаком.

А еще здесь пахло кофе – на столе дымился кофейник, возле которого выстроились в кружок чашки. Сама Пенелопа Фиттис уже была на месте, за столом, а за ее спиной маячила помятая, слегка сгорбленная фигура инспектора Монтегю Барнса из ДЕПИК – государственного департамента парapsихологических исследований и контроля.

Мисс Фиттис вежливо, но довольно сдержанно поприветствовала нас и, пожав нам руки, жестом предложила присаживаться на стулья. Как всегда (а я до этого уже имела возможность пару раз видеть ее), Пенелопа Фиттис была роскошно одета, прекрасно причесана и отлично вписывалась в элегантный интерьер. Это была поразительно красивая женщина с длинными темными волосами, к которым так шло ее розовато-лиловое бархатное платье, но при этом красота ее была настолько необычной, что скорее тревожила, чем завораживала. Причудливый изгиб не тронутых помадой губ, безупречно чистая кожа, четко очерченные высокие скулы и огромные, черные как ночь глаза – притягивающие к себе как магнит и одновременно внушающие страх.

Они с Локвудом обменялись обычными в таких случаях любезностями, затем мисс Пенелопа Фиттис одарила каждого из нас своей улыбкой и сказала:

– Спасибо вам за то, что пришли. У нас с мистером Барнсом вскоре назначена еще одна встреча, так что давайте сразу перейдем к делу. Как я уже сказала тебе по телефону, Энтони, есть одно интересное дельце, которое я собираюсь поручить «Локвуду и компании». О нем меня поставил в известность ДЕПИК, и я подумала, что оно прямо для вас.

– Благодарю вас, мадам, – кивнул Локвуд. – Мы польщены вашим вниманием.

Я взглянула на Локвуда. Он лучезарно улыбался и был весь внимание. Обычно Локвуд никому не разрешает называть себя по имени, это было позволено только его покойным родителям, покойной сестре и больше никому. За

исключением, как выясняется, Пенелопы Фиттис, которая изящно, как кошка, выгнула спину и потянулась в своем кресле. Локвуд смотрел на нее не моргая.

– Соломон Гаппи, – сказала она. – Кто-нибудь из вас слышал о нем?

Мы переглянулись. Лично для меня это имя было пустым звуком.

– Убийца, кажется, – сказал Локвуд. – Это было лет тридцать назад. А разве его не повесили тогда?

– Убийца, совершенно верно, – улыбнулась мисс Фиттис, показав на секунду свои белоснежные зубы. – И его действительно повесили. Одним из последних перед тем, как в Англии был принят закон об отмене смертной казни. Считалось, что этот закон предотвратит появление новых призраков и поможет решению Проблемы... Хм... Кстати, принятие этого закона отложили тогда на месяц только для того, чтобы увидеть, как Гаппи болтается на виселице. Дело в том, что он был не только и не просто убийцей. Он был еще и каннибалом.

– Ничего себе, – сказала я.

– Да-да, верно, – щелкнул пальцами Локвуд. – Припоминаю. Он убил и съел своего соседа. Или двоих?

– Вы можете просветить нас по этому поводу, мистер Барнс? – спросила хозяйка агентства, обращаясь к инспектору. Стоявший в своем потертом плаще за спинкой ее кресла инспектор с помятым лицом и обвислыми усами выглядел здесь, пожалуй, еще более чужеродным телом, чем я.

– Наверняка нам известно, что он съел одного своего соседа, – сказал Барнс. – Пригласил его однажды зайти на чашку чая. Тот пришел и даже принес с собой фруктовый торт. Этот торт нашли неделю спустя, он стоял в неразвязанной коробке на столе в кухне Гаппи. Единственная вещь, оставшаяся несъеденной.

– Да, маху дал тот сосед, – покачал головой Джордж.

– Согласна, – негромко рассмеялась Пенелопа Фиттис. – Но ему и в голову не пришло, что он сам может оказаться и чаем, и обедом и ужином, причем на

несколько дней вперед.

– Я хорошо помню тот случай, – сказал Барнс, – хотя сам был тогда еще стажером. Два офицера, которые производили арест, вскоре уволились из-за того, что им довелось увидеть, когда они проникли в дом. Многие детали того дела были засекречены и не оглашались даже на суде. Тем не менее в своем последнем слове Соломон Гаппи признался, что готовил из соседа самые разные блюда – жаркое, отбивные, фрикасе, карри и даже мясные салаты. Гурман-экспериментатор.

– Крякнулся? – поинтересовалась я.

– Крекеры? – не расслышал меня Барнс. – Может быть, и крекеры тоже, этого я точно не скажу, не знаю.

– Да нет же, я хотела спросить, этот Гаппи, он что – крякнулся? Сбрендил? С ума свихнулся? Ну, как еще сказать...

– А, в этом смысле, – уныло покачал головой Барнс.

– Да, он сошел с ума, – перебила его Пенелопа Фиттис. – И стал буйным. Потребовалось шесть полисменов, чтобы скрутить Гаппи, учитывая его габариты и дикую ярость. Тем не менее его арестовали, судили, повесили, кремировали, похоронили пепел на тюремном дворе, после чего засыпали весь двор солью. Одним словом, были приняты все меры предосторожности, однако каким-то образом дух Гаппи – а может быть, его съеденного соседа – вернулся на место преступления, – она откинулась на спинку кресла и элегантно перекинула ногу на ногу. – Продолжайте, мистер Барнс.

– Преступление было совершено в маленьком доме в Илинге, это западный пригород Лондона. Улица называется Лиз. Дом Гаппи под номером семь. С момента совершения преступления дом пустует, разумеется, но по соседству живут люди. До недавнего времени все было тихо, но сейчас появились сообщения о каких-то странных звуках, которые доносятся из заброшенного дома, об ощущении ужаса, охватившего всю округу. Мы посылали экстрасенсов – следы ведут к дому номер семь.

– При этом феномены проявляются очень слабо, – добавила Пенелопа Фиттис. – Никаких явлений. Звуки. По всем сообщениям – только звуки.

Она подняла на меня свои темные бездонные глаза. Если судить только по тону ее голоса, можно было подумать, что Слух – это обычный, заурядный парапсихологический Дар. Но по ее взгляду читалось, что это важнейшая, ценнейшая вещь на свете.

Выдающимся Слухачом была бабушка нынешней хозяйки агентства. Впрочем, об этом и без меня знает каждый, кто прочитал «Воспоминания» Мариссы Фиттис. Много-много лет тому назад она разговаривала с призраками, и они отвечали ей. Ну, и о моей репутации Пенелопа Фиттис тоже, конечно же, знала, иначе не стала бы на меня так смотреть.

– А что за звуки? – спросил Локвуд.

– Звуки, которые производил бывший жилец этого дома, – ответил Барнс.

– Мистер Барнс попросил меня провести расследование, – сказала Пенелопа Фиттис, – и я согласилась. Однако у моего агентства осталась масса незаконченных еще с зимы дел, и практически все мои лучшие оперативники по-прежнему плотно загружены работой. И тогда я подумала о том, что есть одно маленькое лондонское агентство, которому можно было бы поручить это дело, – улыбнулась она. – Что вы на это скажете? Если вы успешно справитесь с этим расследованием, то в дальнейшем я буду регулярно нагружать вас работой.

– Разумеется, мы готовы помочь вам, – сказал Локвуд.

– Рада слышать это, Энтони. Ты знаешь, как я восхищаюсь твоим агентством и верю, что нам предстоят еще большие совместные дела в будущем. Я считаю, что это расследование укрепит связь между нашими компаниями, и пошлю представителя агентства «Фиттис» сопровождать вас.

– Естественно, в свое время в доме проводились поиски Источника, – сказал Барнс. – Дом был осмотрен, тщательно очищен и обработан, однако, судя по всему, что-то было упущено. Мы хотим знать, что именно.

– Если на этом все, я передам вас своему секретарю для заключения договора, – сказала мисс Фиттис. – Дом пуст. Если хотите, можете приступить к расследованию прямо сегодня ночью.

Она плавным, легким движением поднялась с кресла. Это было сигналом для нас, и все мы тоже дружно встали со своих стульев.

Пока проходила традиционная церемония прощания, я ждала, стоя у бокового столика. Его поверхность покрывали фотографии, они почему-то напомнили мне могильные плиты. Со снимков смотрели лица знаменитых агентов и исследовательских команд, все они позировали, стоя в каком-то роскошном зале под большим баннером с изображением единорога – это был талисман агентства. Все агенты, разумеется, были юными, они широко улыбались, и, как один, одеты в фирменные серебристо-серые куртки. Если на фотографии встречались взрослые, они всегда стояли чуть в стороне, с краешка. На некоторых снимках присутствовала также пожилая женщина – вся в черном, с зачесанными вверх волосами. Это была Марисса Фиттис, легендарная основательница агентства.

Одна фотография отличалась от остальных, и это сразу привлекло мое внимание. Снимок был черно-белым, выцветшим от времени, и на нем была изображена худая темноволосая женщина, сидящая в кресле с высокой спинкой. Комната, в которой происходила съемка, была заполнена тенями. Женщина смотрела не в объектив камеры, а в сторону, повернув голову к свету. Выглядела женщина грустной, исхудавшей и болезненной.

– Это моя мать, она рано умерла, – я обернулась на голос. Все остальные уже выходили за дверь, но Пенелопа Фиттис задержалась, стояла сейчас у меня за плечом и улыбалась. От хозяйки агентства тонко и приятно пахло очень дорогими духами.

– Очень печально об этом слышать, – сказала я.

– Не надо печалиться. Я почти не помню ее. Все наше хозяйство вела бабушка Марисса, это она научила меня всему, что я знаю, – ответила мисс Фиттис, указывая кивком головы на пожилую женщину в черном на других фотографиях. – Милая бабушка, это она сделала меня такой, какая я есть. Все, что вы видите вокруг, – это ее, – Пенелопа Фиттис коснулась моей руки и

добавила: – Знаешь, Люси, я особо просила привлечь к этому расследованию именно тебя.

– Я этого не знала, мисс Фиттис, – удивленно заморгала я.

– Да, это так. Когда мы с Энтони впервые обсуждали участие его агентства в этом расследовании, он сказал мне, что ты с ним больше не работаешь. Это очень огорчило меня, потому что – только это между нами, Люси, хорошо? – потому что агентством «Локвуд и компания» я заинтересовалась исключительно из-за Энтони и тебя, – мисс Фиттис мелодично рассмеялась, в ее глазах загорелись огоньки. – Он прекрасный агент, но и твоей работой я тоже давно уже восхищаюсь. Так вот, я сказала Энтони, что если он хочет получить это расследование, пусть вернет тебя в свою команду.

– О, вот как? Правда? Так это была ваша идея – привлечь меня? Это... очень мило с вашей стороны.

– Он обещал мне, что попытается. Очень рада, что ему это удалось, Люси. Мне приятно, что ты согласилась вернуться в агентство.

– Но я, знаете ли, на самом деле не вернулась...

– Ладно, давай сначала посмотрим, как ты справишься с этим расследованием, – сказала Пенелопа Фиттис. – Я нисколько не сомневаюсь в способностях всех остальных членов команды, но уверена, что успех будет в первую очередь зависеть от тебя. Для расследования в доме Гаппи просто необходим высококлассный Слухач. Энтони знает, что если все пройдет удачно, «Локвуд и компания» окажется в очень большом выигрыше. А теперь поторопись, твои друзья уже тебя заждались, – она легким жестом руки попрощалась со мной, и я направилась к двери, унося с собой аромат духов Пенелопы Фиттис.

В некотором роде все, что происходило дальше, напоминало прежние дни. Мы получили заказ, переговорили с клиентом, и теперь пришло время готовиться к работе. Если мы собираемся начать в Илинге прямо сегодня, времени на

раскачку у нас не было, поэтому Локвуд взялся за дело сразу же, как только мы покинули Дом Фиттис. Стоя прямо посреди запруженного людьми тротуара, он скоренько распределил задания. Они с Холли отправляются за дополнительными запасами соли и железных опилок, Джордж, как всегда, отправляется в Национальный архив искать информацию по каннибалу Гаппи, а я...

А что делать мне? Меня-то куда приткнуть? Оказалось, что некуда.

– С тобой мы встретимся в кафе «Ройял» на площади Пикадилли, – сказал мне Локвуд. – Оттуда возьмем такси и все вместе отправимся в Илинг. В четыре часа, договорились? Надеюсь, тебе хватит времени, чтобы собраться?

– Разумеется, – ответила я.

Я все еще размышляла над тем, что сказала мне Пенелопа Фиттис каких-то пару минут назад. Оказывается, это была ее идея привлечь меня к этому расследованию. И вчера во время разговора у меня на квартире Локвуд не просто опустил эту важную деталь, но еще и разыграл все так, будто действует по собственному наитию.

– Отлично, тогда увидимся позже, как договорились. Отличное дело нам предложили, верно? И я очень рад, что ты будешь с нами.

– Да-да...

По правде сказать, обижаться мне, пожалуй, было не на что. В конце концов, какая разница, кому пришла в голову идея пригласить меня? Пригласили и пригласили, и хорошо. И потом, ведь я сама ушла из агентства «Локвуд и компания», а не они меня прогнали.

Так что все по делу.

– Вообще-то четыре – это поздновато, – заметила я. – Пока доберемся до Илинга, сумерки опустятся. Было бы лучше оказаться там раньше, чтобы успеть и осмотреться, и цепи спокойно разложить. Температуру заранее измерить, посмотреть как следует по всем щелям и углам, которые в темноте вообще можно не заметить. Так что я предлагаю встретиться не в четыре, а в два, – я

холодно улыбнулась ему и добавила: – Договорились?

Локвуд склонил голову набок. Даже если он и оторопел слегка от моих слов, вида не подал, молодец.

– Я в принципе согласен с тобой, но у Джорджа останется очень мало времени, чтобы...

– Я считаю, что Люси все правильно предлагает, – неожиданно подала голос Холли. – А ты что скажешь, Джордж?

Джордж поправил на носу очки и ответил:

– Попасть в лапы этому чуваку-людоеду мне вовсе не улыбается. Даже если он теперь уже не чувак, а просто призрак. Дополнительные меры предосторожности не повредят, это точно. Ладно, постараюсь управиться в архиве к двум. Встретимся раньше, как предлагает Люси.

Локвуд пожал плечами и с напускным безразличием согласился:

– Ты, наверное, права, Люси. Хорошо, в два так в два. До встречи.

– Тебе что-нибудь прихватить в магазине у Маллета? – спросила Холли Манро.

– Нет, спасибо, у меня все есть, – ответила я. – До скорого.

Я первой развернулась и пошла прочь, сразу же смешавшись с уличной толпой, проталкиваясь среди встречных прохожих. Отойдя достаточно далеко, чтобы скрыться с глаз, я свернула в боковую улочку, ведущую вниз, к набережной Темзы. Здесь, под каменными арками моста Хангерфорд-бридж находились лавчонки, торгующие по дешевке солью и железом. Дело в том, что я сказала Холли неправду. Припасы мои были почти на нуле.

Впрочем, за эту свою ложь мне было не стыдно. С какой стати агентство должно тратиться на припасы для какого-то приглашенного фрилансера?

Было время отлива, под стеной набережной блестела полоса обнажившейся мокрой гальки. Высоко над водой кружили чайки. На дороге было большое движение. Я пересекла ее и двинулась вверх по течению реки, к мосту. На каждом шагу в глаза бросались яркие плакаты гигантского агентства «Ротвелл». На одном из них талисман агентства, симпатичный рисованный лев по имени Роджер, гнался, растопырив свои мощные лапы, за удирающим от него в страхе призраком – тоже рисованным. На другом плакате Роджер с улыбкой демонстрировал какой-то новейший Домашний оберег, который разработали инженеры из Ротвелловского института. Теперь благодаря их партнерам из корпорации Санрайз этот прибор мог приобрести любой желающий – по очень сходной цене, разумеется. На третьем плакате тоже был лев. Он опирался своей пухлой лапой на могучее плечо владельца агентства, Стива Ротвелла, изо рта которого выдувался белый пузырь с написанными внутри него словами: «Мы боремся за то, чтобы ваша ночь прошла спокойно». Зубы Стива Ротвелла сверкали, его зеленые глаза ярко блестели, подбородок гордо выдавался вперед, словно форштевень боевого корабля, отчего владелец агентства выглядел даже мужественнее и сильнее, чем мультяшный лев. Лицо Стива Ротвелла излучало уверенность в том, что решение Проблемы не за горами – именно эта уверенность делала его популярнейшей личностью во всем Лондоне.

Я хмуро косилась на эти плакаты, продолжая без остановки идти вперед. На меня обещания Стива Ротвелла впечатления не производили, как и его внешность сказочного героя. Однажды я видела, как этот герой хладнокровно проткнул своей рапирой грудь человеку, и с тех пор тихо возненавидела Стива Ротвелла.

Я побывала у торговцев солью и железом, купила все, что мне было нужно, и снова выбралась на набережную. За рекламными щитами, украшавшими низкий парапет набережной, прятались спускающиеся к реке каменные ступени, а рядом с ними, возле самого парапета, я рассмотрела сидящую на корточках сгорбленную девушку и лежащий возле нее драный холщовый мешок. Девушка сосредоточенно счищала налипшую грязь со своих разложенных на мокрой гальке инструментов. По замызганной стеганой куртке, соломенной шляпке, покрытым густым слоем тины тяжелым башмакам и валяющимся на берегу без чувств – очевидно, одуревшим от невыносимой вони – птицам я сразу же узнала Фло Боунс, свою знакомую девушку-старьевщицу. Фло прочесывала берег Темзы, выуживала из тины и грязи всякие предметы, которые могли иметь какое-то отношение к экстрасенсорным явлениям, промывала этот мусор, а потом старалась продать его на черном рынке, чем, собственно, и зарабатывала себе на жизнь. Несколько раз она помогала «Локвуду и компании» и была приличной,

даже милой девушкой – если, конечно, соблюдать осторожность и разговаривать с ней, стоя с подветренной стороны и дыша через рот.

Когда я спустилась вниз и подошла ближе, Фло сдирала грязь с какого-то странного предмета, напоминающего широкое кольцо с короткой трубкой на конце. Увидев меня, она улыбнулась и швырнула через парапет увесистый комок мокрой грязи.

– Смотрите-ка, кого мне принесло приливом, – сказала она.

– Порядок, Фло, – по ее меркам, мы очень даже мило поприветствовали друг друга. И грязь она в прохожих на набережной вышвырнула, а не в меня, верно? – Вижу, ты занята. Как улов?

– Кучу мусора нашла. Двух утонувших крыс, свиную голову, а теперь вот еще и тебя.

Шутка.

Я усмехнулась и присела на стенку рядом с Фло. С подветренной стороны, разумеется.

– Небогатый улов. Что так?

– Видишь ли, я полночи провела на сходке старьевщиков, так что времени на работу почти не осталось. Из стоящего нашла только пару костей со слабой аурой да ржавый свисток со следами экстрасенсорной энергии, тоже хилыми. И все.

– Ну, хоть что-то кромедохлых крыс, и то хорошо. Как думаешь, удастся продать свисток и кости?

Фло сдвинула на затылок свою соломенную шляпку, задумчиво почесала лоб и ответила:

– Вряд ли. Надо что-то делать. Сейчас на черном рынке чего только нет, всего полно. Хорошие вещи уходят задорого, а такой мусор, как у меня, – кому он

нужен? Говорят, в городе появился новый крупный покупатель, теперь все лучшие вещи несут ему. – Фло оглянулась через плечо и, понизив голос, добавила: – Угадай, кто был вчера на сходке и скупил все лучшие вещицы?.. Винкман.

– Джулиус Винкман?

Это был крупный перекупщик экстрасенсорных предметов, которому агентство «Локвуд и компания» помогло в прошлом году перебраться с черного рынка в тюрьму.

– Нет. Этот все еще за решеткой. Его жена. Сынок тоже с ней был, но скупала все Аделаида. Все подряд мела, все странные прикамбасы и все Источники, которые только предлагали вчера ночью. Проклятую картину, окровавленную перчатку, мумифицированную голову, римский шлем... – Фло повернула голову и залихватски сплюнула через стенку. – По-моему, половина из этого баракла была самым настоящим мусором, подделкой, но Леопольд, ее сынок, обнюхал их и признал подходящими. А потом старая мамочка Винкман все скупил. Теперь вещи отправятся напрямик к новому покупателю. На следующую сходку нам велели снова принести все лучшее, что удастся найти. Отдраю этот свисток и попробую его загнать, хотя не уверена, что мне это удастся, – Фло постучала о стенку своей странной штуковиной. – А ты куда запропастилась, Карлайл? Целую вечность тебя не видела. Даже соскучилась.

– Работала.

– Но не на Локвуда.

– Нет... – я указала взглядом на инструмент, которым Фло колотила о стенку, и спросила: – А это что за фигня?

– Фланец. Из городской канализации. Трубы соединять.

– А... Да, я работала сама по себе. Хотя так получилось, что сейчас снова собираюсь проверить одно дельце вместе с Локвудом. Но это разовая работа, я к ним не возвращаюсь.

– Это само собой, – Фло бросила фланец и взяла с гальки новую штуквину, покрытую таким толстым слоем грязи, что сказать, на что она похожа, было уж вовсе невозможно. – А что, эта Холли Манро, она все еще с ними?

Я помолчала немного, потом сухо ответила:

– Я ушла от них вовсе не из-за Холли.

– Ну да, ну да, – проворчала Фло, ловко счищая грязь, из-под которой начало проглядывать что-то вроде трезубой вилки.

– У меня были на то другие причины.

– Ну да, ну да.

– Ты мне не веришь?

– Можешь поддержать эту вилку? – спросила Фло. – На минуточку.

– Э... – заколебалась я, но то, что Фло называла вилкой, уже оказалось у меня в руке.

– Мне нужно руки помыть, испачкались, – пояснила Фло. Она спустилась к реке, сполоснула в ней руки, а затем вытерла их прямо о свою куртку. – Ну, вот, теперь порядок. Рада была повидать тебя, Карлайл. А теперь мне пора идти. В закускойной в Уопинге меня тепленький шашлычок уже жаждался.

– Прелестно. Послушай, Фло, – спросила я, глядя на то, как она засовывает свои инструменты за пояс под курткой. – Ты сказала про мумифицированную голову... Как она выглядела?

– Как, как... Откуда я знаю, как? Голова и голова. Глаза, уши, рот, нос – все как у всех. А почему ты спросила?

– А больше ты ничего не заметила? Понимаешь, пару ночей назад мне довелось иметь дело именно с мумифицированной головой.

Фло подняла с гальки свой холщовый мешок, прислонилась к невысокой стенке набережной, посмотрела куда-то вдоль берега с покрытым тиной краем.

– В ближайший час прилив еще не начнется, можно будет здесь пройти. Голова, ты говоришь? Трудно что-то наверняка сказать, она вся паутиной была затянута. Но мужская голова, это точно, потому что сквозь паутину выступала небольшая борода. Остренькая, клинышком. Черная. Да я, если, честно, особенно и не приглядывалась. В серебряном ящике ее принесли. Кто-то вроде говорил, что к этой голове какой-то мощный Спектр привязан – может, правда, может, врут. Мамаша Винкман тут же ухватила ее. Большие деньги отвалила, я думаю.

– А кто принес эту голову на продажу, ты не знаешь случаем? – нахмурившись, спросила я, но Фло Боунс уже исчезла, удалялась вдоль берега в сторону Стрэнда.

Широкие зеркальные стекла витрины кафе «Ройял» выходили на западную сторону площади Пикадилли, а над витриной был натянут коричнево-белый полосатый тент с расставленными под ним столиками.

Вокруг столиков прямо в асфальте были прорезаны маленькие, обложенные кирпичом канавки с проточной водой. Как известно, призраки боятся проточной воды и шарахаются от нее. Ближе к вечеру по обеим сторонам входной двери дополнительно ставили жаровни с дымящимися в них веточками сушеной лаванды. Это кафе пользовалось популярностью даже после наступления темноты, а сейчас, посреди яркого, хотя и довольно холодного дня, было переполнено. Стекла витрины запотели изнутри. Протиснувшись в дверь со своим мешком и рюкзаком, в котором была спрятана банка с говорящим черепом, я сразу же увидела сидящую за столиком Холли Манро. Она читала «Таймс», а на столе перед ней дымилась чашечка чая.

– Слышала последнюю новость? – спросила она, когда я под села к ней за столик. – В Лондоне появилась шайка подростков-мошенников. Они работают по вечерам или в сумрачные дни. Подходят к взрослым и говорят, что за теми по пятам гонится призрак. Какая-то фигура в белом. В руках подростки держат железные прутья, которые они выламывают из оград. Ну, и предлагают взрослому проводить его до дома или куда еще он там идет. За деньги, само собой. Все это, конечно, басни, но подростки целые спектакли закатывают.

«Отгоняют» несуществующих призраков и все такое. Дело-то бесприигрышное, взрослые все равно ничего доказать не могут.

Я скинула куртку. В кафе было душно, а я и так вспотела, пока сюда дошла.

– Зарабатывают на жизнь ребяташки, – сказала я, пожимая плечами. – Их тоже можно понять, бедняков сейчас пруд пруди. Не могут же все стать агентами, правда?

– Знаю, – ответила Холли. – Нам с тобой крупно повезло, Люси. Я, пожалуй, закажу еще сразу три чая. Мальчики должны появиться с минуты на минуту. Локвуд везет рабочие сумки с Портленд-Роу, да и Джордж, наверное, закончил в своем архиве.

Холли принялась махать рукой, подзывая официантку, а я тем временем разглядывала ее, откинувшись на спинку стула. Меня всегда поражала кожа Холли – светло-ореховая, без единого прыщика, гладенькая. И черты лица тоже – все на месте, все как надо. Было время, когда совершенство Холли буквально сводило меня с ума, думаю, что и ее бесила моя внешность – но только не совершенством, конечно. Я же знаю, что не красавица. Вечно вспотевшая, со всклокоченными волосами... Кошмар! Соглашусь, что с самой первой минуты нашей встречи сегодня утром Холли относилась ко мне внимательно, с уважением, тут ее упрекнуть не в чем, однако сквозило в этом что-то такое... Ну, представьте себе ученого, который держит в руке колбу с какими-нибудь бациллами. Он ведь тоже к ним внимательно относится, может, даже и с уважением, верно? Ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

– Как тебе работается в одиночку? – спросила Холли, когда ей удалось, наконец, заказать чай.

– Нормально, – ответила я. – Сама теперь хозяйка и своего времени, и своей работы. Получаю приглашения от самых разных агентств. Зарабатываю неплохо, на жизнь хватает.

– Ты такая смелая, – сказала Холли. – Так все круто поменять. Это же очень рискованно.

– Мне кажется, этот риск был оправданным. Зато я узнала много нового о своем Даре, научилась лучше общаться с людьми, даже с теми, кто меня раздражает.

Холли коротко рассмеялась. Ах, этот ее смех-колокольчик! Вот уж что всегда заставляло меня стискивать зубы и поднимало дыбом мои нервы!

Холли умолкла, и безо всякого перехода сказала:

– А знаешь, кое-кто на Портленд-Роу очень скучает по тебе.

– Я тоже по всем вам скучаю, – ответила я, следя за тем, чтобы мой голос не дрогнул. – И кто же это?

– Кто по тебе особенно скучает? – переспросила Холли и снова рассмеялась. – А сама не догадываешься?

До чего же жарко в этом кафе! У меня под свитером потекли струйки пота.

– Нет.

– Я.

– Что? Ты?

– Я знаю, между нами были трения, Люси, но очень сложно быть единственной девушкой в мужской компании. Впрочем, ты сама это знаешь. Локвуд и Джордж прелестные парни, конечно, но каждый из них живет в своем, мужском мире. Джордж по уши погрузился в свои эксперименты, а Локвуд... – Холли наморщила свой прелестный лобик. – Он такой беспокойный и такой замкнутый в себе. Никак к нему не пробьешься. Знаешь, я собиралась тебя спросить, а ты... – она прервала себя на самом интересном месте и воскликнула: – А вот и мальчики!

Спустя пару минут мы сидели за столиком уже все вместе, сдвинув свои мешки и сумки к запотевшему окну. Я оказалась плечом к плечу с Джорджем, который, войдя в кафе, лишь молча поприветствовал меня кивком головы. Локвуд чуть не подпрыгивал на месте от возбуждения. Предвкушал ночные приключения.

– Мы правильно сделали, что собрались в два. Я заказал такси, оно должно прибыть в течение получаса, – не умолкал он. – И покатаем в Илинг. Представитель от «Фиттис» встретит нас возле дома. Ключи будут у него.

– Не нравится мне, что нам навязали какого-то представителя, – хмуро обронил Джордж. – Мы – «Локвуд и компания»! На черта нам сдались они?

– Так надо, – ответил Локвуд. – Пенелопа Фиттис хочет оценить нашу работу. Если ей понравится то, как мы ее делаем, у нас появится больше выгодных заказов. Так что все в порядке.

– Это для Люси, может быть, все в порядке. Она у нас наемница, привыкла быть под надзором. Но мы-то агентство независимое? – продолжал гнуть свое Джордж, ничего не выражающим взглядом глядя сквозь толстые стекла очков.

– Независимое, – охотно согласился Локвуд. – А теперь к делу. Джордж, ты был в архиве. Что тебе удалось выяснить об этом доме номер семь по улице Лиз?

– Так, кое-что, – ответил Джордж, вытаскивая из своей сумки картонную папку. – Дело относительно недавнее, в газетах о нем много писали, однако все подробности мне узнать не удалось. Как и сказал Барнс, многие детали расследования, очевидно, засекретили. Слишком уж жуткими они были. Но не волнуйтесь, и того, что я узнал, будет достаточно, чтобы повеселить вас. – Он оглянулся в поисках официантки и спросил: – Мы заказ уже сделали? Я проголодался что-то.

– Сейчас принесут чай, – ответила Холли. – С кексами. Давай вернемся к делу. А учитывая неаппетитную тему нашего разговора, я считаю, что еда может подождать.

– Хм, – Джордж поправил на носу очки и раскрыл свою папку. – Может, ты и права, но я сейчас с удовольствием прикончил бы какую-нибудь сосиску в тесте. Ладно, поехали. Итак, следствие по делу о каннибале из Илинга велось тридцать лет назад. Обвиняемым, как вы все знаете, был Соломон Гаппи, который жил один в обычном доме на обычной улице. Ему было пятьдесят два года, работал инженером-электронщиком. За несколько лет до совершения убийства его уволили, и он зарабатывал на жизнь починкой часов и радиоприемников. Поместил свое объявление в газетах, заказы получал и отправлял по почте. Из

дома почти не выходил, только разве до ближайшего магазина. Когда полисмены ворвались в дом, они обнаружили массу полуразобранных часов и приемников, – Джордж криво усмехнулся и добавил: – Как позже выяснилось, Гаппи интересовался внутренностями не только механическими.

– Джордж, – схватилась за горло Холли.

– Прости, прости, – он полистал лежавшие в его папке бумаги. – В целом это история о громадном маньяке-каннибале. С таким, как Гаппи, шутки плохи.

– погоди-ка, – перебил его Локвуд, постукивая по столу кончиками пальцев. – Ты назвал его «громадным». Пенелопа Фиттис упомянула о том, что, когда Гаппи арестовывали, это с трудом удалось сделать шести полисменам. Значит, он действительно был большим и очень сильным.

– Ага, – кивнул Джордж. – Очень большим, очень сильным и очень высоким. Рост под два метра и очень толстый. Весил, по полицейским сводкам, почти сто пятьдесят килограммов. Пузатый, но не только. С мускулами у него тоже было все в порядке. Во всех источниках отмечается, что вид Гаппи был пугающим. Во время судебных слушаний он почти ничего не говорил, только мрачно смотрел на всех из-под гривы своих нечесанных волос. Иногда останавливал на ком-нибудь из сидевших в зале взгляд и смотрел так, словно собирался съесть его. Многие женщины не выдерживали этот взгляд и поспешно выходили из зала суда. Когда Гаппи вели на виселицу, его сопровождало вдвое больше охранников, чем принято в таких случаях. Вид осужденного вызывал у всех такой страх, что охранникам пришлось заплатить двойную ставку.

– С трудом в это верится, – заметил Локвуд. – Все тюремные охранники, кого я знал, парни крепкие, со всяким сбродом привыкли справляться. Ну, ладно, давай теперь взглянем на нашего приятеля. Показывай его фотографии.

Джордж вытащил из папки сиротливый листок глянцевой бумаги.

– Собственно говоря, я нашел только одну его фотографию, – сказал он. – Странно, но полиция отказалась публиковать фотографии Гаппи и засекретила их «ради общественного блага» – не представляю, что они при этом имели в виду. Этот единственный снимок, который мне удалось найти, был сделан одним нештатным фотографом в тот день, когда Гаппи доставили в суд для оглашения

приговора. Качество снимка не ах, но общее впечатление составить по нему можно.

Джордж положил снимок на стол. Локвуд, Холли и я склонились над ним.

Снимок был черно-белым, напечатанным и увеличенным на фотокопировальной машине. Как и предупреждал Джордж, по качеству он оказался так себе – изображение выглядело размытым и зернистым. На снимке можно было рассмотреть полисмена на переднем плане, фигура еще одного полисмена угадывалась вдали, с краю. Между ними шагал громадный, похожий на раздутый воздушный шар мужчина с неприметными, словно стертыми чертами лица. Плечи опущены, руки неуклюже вывернуты, одна назад, другая вперед – понятно, что они прикованы наручниками к рукам сопровождавших Гаппи полисменов. Голова тоже опущена, и тоже неуклюже, словно Гаппи только что вылез из полицейского фургона. Общее впечатление – громадная, распухшая, неуклюжая, пугающая с любой стороны, как ни посмотри, фигура. Бо?

ьшая часть лица Гаппи осталась в тени, можно было рассмотреть лишь темные пятна густых бровей и рот с широкими, слегка выпяченными губами. Сама не знаю почему, но я была рада тому, что снимок получился таким нечетким.

– Ну что ж, – сказал Локвуд, когда мы насмотрелись на нашего красавца. – Теперь мы имеем о нем некоторое представление, и то хорошо.

– Какая громадина, – заметила я.

– Для него пришлось даже соорудить специальную виселицу, – пояснил Джордж. – Такую, чтобы могла выдержать его вес. И вот вам еще одна подробность. Утром в день казни присутствовал священник. По закону принято, чтобы преступник перед смертью мог покаяться. Так вот, когда Гаппи уже стоял с веревкой на шее и ждал, когда под его ногами откроется люк, в который должна будет провалиться его туша, он подозвал к себе священника и что-то прошептал ему на ухо. И было сказано при этом нечто такое ужасное, что издавший виды священник побледнел и упал в обморок. А когда палач нажимал рычаг, который открывает люк, Гаппи улыбался.

Какое-то время все мы молчали, потом я спросила:

– Может, насчет улыбки и священника это просто сплетни? У тебя есть еще что-нибудь, Джордж?

– Есть, но об этом не сейчас. Приберегу кое-что до того момента, когда мы окажемся в доме Гаппи и будем пытаться избежать встречи с его призраком.

– Люси права, Джордж, – сказал Локвуд. – Громадный жирный каннибал. Такая фигура просто не могла не обрасти городскими легендами. Нам всем стоит немного расслабиться.

Здесь он был абсолютно прав. Мы откинулись на спинки своих стульев, постарались подбодрить друг друга широкими, уверенными улыбками. А тут как раз и официантка с веночком из лаванды в волосах принесла нам чай с кексами.

– Ладно, Джордж, колись, – сказал Локвуд, когда мы слегка подкрепились. – Такси скоро придет. Давай, рассказывай, что ты еще узнал об этом доме. Не тяни и не откладывай на потом.

– Ладно, – согласился Джордж. – Мне кое-что удалось выяснить и о жертве тоже. Того парня звали мистер Данн, он жил через пару домов от Гаппи. Одинокий, доброжелательный, общительный. Охотно откликался на просьбы соседей помочь им, даже ходил для стариков в магазин за продуктами. Очевидно, заметил, что мистер Гаппи из дома семь редко выходит на улицу, и зашел его проводить. Вечером в день убийства кто-то видел, как он направлялся к дому Гаппи с тем самым знаменитым тортом в руке. После этого никто мистера Данна больше не видел. Спустя некоторое время окрестные жильцы заявили о его пропаже, и за дело взялась полиция. Пришли, разумеется, и к Гаппи. Он не стал отрицать, что мистер Данн заходил к нему в тот день, но заявил, что вскоре ушел, сказав, что у него назначена еще одна встреча. С кем и где она назначена, мистер Данн ему не сообщил. Разговор происходил утром, Гаппи как раз готовил себе завтрак, и полицейские чувствовали доносившийся с кухни запах жарящегося бекона.

– Какая гадость, – тяжело сглотнула я. Холли Манро поморщилась.

– Да-да, – сказал Джордж. – Тогда полицейские ушли, но спустя несколько дней вернулись, когда получили сообщения от соседей о дыме, который клубами

валит из дома Гаппи. Дымоход у него был забит сажей, а Гаппи пытался что-то сжечь в камине. Это что-то оказалось одеждой Данна. Было обнаружено также много других улик, но о них на публичных слушаниях в суде предпочли не упоминать.

– Жуткая история, – протянула Холли, заправляя за ухо выбившуюся прядь. – Известно точное место, где произошло убийство?

Джордж вытащил из папки новый лист бумаги и положил его на стол перед нами. Это оказался план дома Гаппи – два этажа плюс подвал. Сбоку к дому примыкал гараж. Перед домом лужайка, позади – небольшой садик. На плане красным карандашом было аккуратно написано, для чего служит та или другая комната.

– Точное место, где произошло убийство, неизвестно, – сказал Джордж. – Данна могли убить почти в любой комнате.

– А как же следы преступления? – спросила я. – Ну, то есть...

– Кровь или мозги мистера Данна, ты это имеешь в виду?

– Ну да, – поморщилась я.

– Не нашли, – покачал головой Джордж.

– Ладно, поищем их сами, – сказал Локвуд. – По счастью, дом не такой большой, нас четверо, так что сегодня ночью мы легко сумеем обшарить его целиком. Но только вот о чем я думаю. Мы не знаем наверняка, чей призрак появился в доме, Гаппи или Данна. Это может быть и Данн, ведь его же там убили, верно?

– Все может быть, – пожал плечами Джордж. – Но пока не найдется Источник, мы этого не узнаем.

– Хочу надеяться, что это Данн, – сказала Холли, и я согласно кивнула головой. Честно говоря, я не очень люблю встречаться с призраками убитых, но в данном случае по мне уж лучше Данн, чем жуткий даже на размытой фотографии бывший владелец дома. Все остальные тоже кивнули, соглашаясь с Холли.

Локвуд вытащил бумажник, положил на стол деньги за чай и кексы и сказал:

– Пришло время выяснить это.

8

Намерения у нас, конечно, были самыми лучшими, но когда мы приехали в Илинг, уже начинало смеркаться. Мы просто забыли о том, что на окраинах и в пригородах с приближением комендантского часа движение становится совсем не таким, как в центре Лондона. Сюда устремляется большой поток машин, движение становится плотным, возникают пробки, да еще из-за ремонтных работ в Чизвике пришлось сделать крюк. Короче говоря, когда наше такси добралось до Илинга, на его улицах уже спешили по домам последние прохожие и потрескивали, начиная разогреваться, включившиеся призраки-лампы. Солнце опустилось совсем низко к горизонту, а небо над нашими головами затянули черные, похожие на разломанную плитку шоколада облака, в разрывах между которыми проглядывали клочки темно-синего с желтоватым оттенком неба. Дождя не было, но чувствовалось, что он вот-вот пойдет.

Неизвестно, знал ли водитель нашего такси о мрачной репутации улицы Лиз, но то, кто такие мы сами, моментально опознал по нашему багажу и рапирам и потому подвозить нас к дому не стал, высадил на углу. Мы вытряхнулись из машины вместе со своими сумками, рапирами и мотками железных цепей и последние метры сто до дома номер семь прошли пешком.

Существует распространенное, но ошибочное мнение о том, что место, где произошло преступление, непременно должно выглядеть мрачным и пугающим. Если это дом, то он будет смотреть на вас черными пустыми окнами, двери и полы в нем обязательно должны скрипеть, а из-за стен доноситься подозрительные шумы и шорохи. Ничего подобного. Дома, они, знаете ли, как люди – какие только черные сердца и темные дела не скрываются за доброжелательными лицами и светлыми веселенькими стенами. Таким был и дом номер семь по улице Лиз, ничем не примечательный и не зловещий с виду.

Он стоял примерно посередине квартала среди таких же самых обычных домов, к каждому из которых примыкал гараж, а перед каждым домом темнела ухоженная лужайка, прорезанная неширокой забетонированной подъездной

дорожкой. Все дома на этой улице были довольно современными, не старинными уж точно – с широкими окнами и крытыми красивой красной черепицей крышами. Во всех входных дверях виднелись вставленные в них стеклянные панели, и к каждой двери вело невысокое крыльцо с простым плоским козырьком. Район этот был не богатым и не бедным, средним. Для людей среднего класса. Соседние лужайки отделялись друг от друга живыми изгородями из лавровых кустов, в садах за домами росли кипарисы. На фоне темнеющего неба их силуэты напоминали черные, торчащие вверх ножи.

Дом номер семь выглядел ничуть не хуже соседних домов, а в некотором смысле даже лучше.

Соседние дома за тридцать лет успели обветшать. На заросших сорняками подъездных дорожках ржавели прикрытые парусиновыми чехлами автомобили. Все это были приметы того, что случившиеся здесь много лет назад события продолжали отравлять соседей ядом своих воспоминаний. А вот дом, в котором некогда жил мистер Соломон Гаппи, выглядел хоть куда. Стены покрашены белой краской, лужайка скошена, изгороди аккуратно подстрижены. Что ж, нужно отдать должное местному муниципалитету, он хорошо заботился о том, чтобы не дать дому номер семь прийти в упадок.

Единственными признаками жизни на тихой улице Лиз были только горящие, задернутые занавесками окна. На всем пути к дому номер семь мы не встретили никого, и только здесь от лавровой изгороди отделилась и шагнула навстречу нам тощая фигура со сложенными на груди руками.

– У Пенелопы Фиттис сотни надзирателей, – увидев ее, простонал Джордж. – Почему ей пришлось в голову выбрать именно его?

Перед нами был молодой человек в серебристой фирменной куртке агентства «Фиттис», с рапирой на поясе. Узкое, покрытое веснушками лицо, тощие руки и ноги. Квилл Киппс собственной персоной, только этого нам и не хватало для полного счастья! Судя по кислому выражению лица, Киппс тоже не был в большом восторге от встречи с нами.

– Давайте во всем находить положительные стороны, – шепнул нам Локвуд. – Киппс, по крайней мере, раньше уже работал с нами и знает, что к его словам мы прислушиваться не станем. Это сэкономит нам массу времени, – он перестал

шептать и громко воскликнул: – Киппс, старина, рады видеть тебя. Как поживаешь?

– Прежде чем вы начнете задавать лишние вопросы, сразу скажу, что я не напрашивался на эту работу, – сказал Киппс. – Мне эта идея точно так же не по душе, как и вам. Это я для того, чтобы внести ясность.

– Говорят, что браки совершаются на небесах, – усмехнулся Локвуд. – Давайте так и будем к этому относиться. Философски.

– Ага, на небесах, – с чувством ответил Киппс. – Это точно.

Раньше Квилл был самым непримиримым соперником Локвуда и его компании, но теперь ему слегка перевалило за двадцать, и экстрасенсорный Дар Киппса пропал, улетучился. Потеряв способность самому видеть Гостей, Квилл теперь перешел в надзиратели и начал контролировать тех, кто еще мог сражаться с призраками. В недавнем прошлом Киппс несколько раз участвовал в одних и тех же расследованиях вместе с нами, так что цену ему как оперативнику мы хорошо знали. Смекалки у него было не больше, чем у сэндвича с огурцом, но смелости и ловкости хватало. И беспощадности к призракам тоже. Утратив свой Дар, Киппс к тому же стал несколько мягче и даже дружелюбнее, чем раньше. Короче говоря, Локвуд, как всегда, оказался прав – надзиратель нам мог достаться и похуже Киппса.

– Значит, это тебя приставили шпионить за нами? – напрямик брякнул Джордж вместо приветствия.

Киппс пожал плечами.

– Я просто наблюдатель. Таковы правила нашей компании, когда она имеет дело с другими агентствами. Обычное дело. Кроме того, мисс Пенелопа Фиттис просила меня оказывать вам содействие, если оно потребуется. Правда, толку от меня почти ноль, потому что в экстрасенсорном смысле я теперь глух и слеп. Единственное, что я еще способен чувствовать при появлении призрака, так это тяжесть в животе. И то если это не газы в нем скопились.

– В таком случае нужно будет стараться не сидеть с тобой в одной комнате, – хмыкнул Локвуд. – Ну, а если серьезно, то я рад иметь тебя в помощниках. Итак, дом номер семь. Ты уже заходил внутрь?

Киппс взглянул через плечо на аккуратный тихий домик. Как раз сейчас на него падали последние лучи солнца, золотили своим светом стекла в оконных рамах.

– Внутрь? Один? Смеешься, что ли? Только после вас, – он поднял руку, показал надетое на палец кольцо с ключами. – Ключи в муниципалитете взял, вот они.

Локвуд посмотрел на садящееся за крыши солнце и сказал:

– Времени до наступления темноты почти не осталось. Пора в дом.

Мы взяли свои сумки и молча пошли по подъездной дорожке к крыльцу. Где-то в глубине изгороди завела свою песенку ночная птица. Воздух был сырым, свежим, и в нем уже пахло весной. А в конце дорожки нас поджидал дом.

До крыльца мы добрались без происшествий. Локвуд настоял на том, чтобы выложить здесь кольцо из железной цепи с зажженным внутри него фонарем. Это будет наша внешняя линия укреплений. Если повезет и батарейки не сядут, фонарь прогорит всю ночь, что бы там ни случилось внутри дома. Это кольцо будет местом нашей встречи на тот случай, если что-то пойдет не так.

Когда все было сделано, я сошла с крыльца на траву и заглянула в окно.

За стеклом виднелась пустая комната, рассеченная пополам слабым желтым лучом закатного солнца. Стены оклеены коричневыми обоями, на полу желтоватый ковер, и никакой мебели. На стенах остались не выцветшие прямоугольники от висевших здесь когда-то картин. В одной из стен старомодный, чисто подметенный камин.

– Похоже на гостиную, – сказала я, почувствовав на своем плече дыхание Джорджа.

– Ага, – весело кивнул он. – Именно здесь обнаружили ступню мистера Данна. В вазе для фруктов на кофейном столике.

– Прелестно.

Я прижала к стеклу кончики пальцев. Иногда можно таким способом получить какую-то информацию из прошлого, даже если солнце еще не полностью село за горизонт. Я закрыла глаза и прислушалась. Есть что-нибудь? Нет, ничего. Только птица поет в кустах. Дом как дом.

Учитывая то, что дом простоял необитаемым больше тридцати лет, ключ в замочной скважине повернулся на удивление легко. Локвуд вошел первым, за ним медленно потянулись все остальные. Я со своим рюкзаком пристроилась последней. Видите ли, если Холли знала о существовании черепа, то Киппс нет. И не нужно ему было о нем знать. А я, кроме того, хотела переброситься с черепом парой слов.

– Просыпайся, череп, мы на месте, – тихо сказала я, поднимая рычажок на крышке банки. – Заношу тебя внутрь.

– Зачем? Пусть тебе твои живые друзья помогают. Я в их число не вхожу.

Я закатила глаза. Сегодня череп весь день был не в настроении, дулся, ворчал с той самой минуты, когда я возвратилась после встречи в Доме Фиттис.

Мое согласие вновь поработать с Локвудом оскорбило и разозлило череп сверх всякой меры. Я сильно встряхнула рюкзак и сказала:

– Просто сообщай мне, если что-то почувствуешь.

– И не подумаю. Почему ты все время держишь меня в рюкзаке? Я устал, меня уже тошнит от твоего рюкзака. Вытащи меня.

– Не сейчас. Вытащу, как только представится случай.

– Стесняешься меня, да? Ну, скажи, стесняешься?

– Стесняюсь? Я? Тебя? Старой заплесневелой черепушки? Ты о чем, приятель? – Я заглянула в банку и увидела злую заносчивую гримасу на лице черепа. – Господи, успокойся же, наконец. Ты призрак Третьего типа. Очень редкий. Никто

не должен слышать, как мы с тобой разговариваем, иначе конец. Киппс никак не должен знать об этом. Погоди немного, чуть позже я с тобой свяжусь. И перестань капризничать.

– Разве можно в таком тоне разговаривать с такими ценными собеседниками, как я? Я должен сказать... Ой!

Как только я перенесла череп через порог, его лицо застыло. Видно было лишь, как бешено пульсирует на нем одна-единственная прозрачная зеленоватая жилочка. Глаза у черепа выкатились, стали большими как блюдца и выражали сейчас высшую степень отвращения.

– Что – «ой»? – спросила я.

Череп дважды моргнул, лицо его вновь ожило.

– Ничего. На секунду мне показалось, что я чувствую... Нет, я ошибся, наверное. Старые заплесневелые черепа часто ошибаются. Забудь.

Тон черепа меня не убедил и не успокоил. Ладно, расспрошу его позже, потому что Киппс уже направляется мне навстречу через холл. Я закинула рюкзак за спину, глубоко вдохнула и начала собирать свои первые впечатления от дома номер семь.

Я стояла сейчас в тесном холле, вдоль его левой стены поднималась лестница, ведущая на второй этаж. Как и в гостиной, ковер здесь оказался потертым и желтоватым, стены оклеены старомодными обоями в коричневую и бежевую клеточку. В дальнем конце холла виднелась застекленная дверь, ведущая на кухню. Сейчас Локвуд и Холли выкладывали возле нее еще одно кольцо из цепей. В холл выходили еще две двери. Одна из них, как я помнила по плану дома, который показывал нам Джордж, вела в подвал, вторая в гостиную. Пахло сыростью и плесенью, а больше, пожалуй, ничем. Не знаю, что там почувствовал череп, лично я ничего странного или опасного не ощущала.

– Мрачновато здесь, – сказала я.

– Ага, – согласился Джордж, протискиваясь мимо меня со своей тяжелой сумкой. – Здесь полицейские нашли берцовую кость, она была в стойке для зонтиков. Нужно все подготовить к ночи. Поможешь нам или это по контракту не входит в обязанности фрилансера?

Я открыла было рот, чтобы ответить, но тут же закрыла его. Джордж был прав, нечего стоять здесь без дела. Я открыла свои сумки и принялась помогать.

Нужно заметить, что мы сейчас работали по инструкции. Спустя несколько минут после прибытия в дом у нас уже были расставлены все защитные барьеры. Кольцо из цепей на кухне, еще одно кольцо на лестничной площадке, внутри каждого кольца заготовлены мешочки с солью и железными опилками. Во всех комнатах мы зажгли свечи, поставили на ступени лестницы чуткие к колебаниям воздуха огарки.

Мы работали дружно и ловко. И Киппс нас не слишком доставал своим брюзжанием, и Холли Манро, как я заметила, стала намного сноровистее за то время, пока я ее не видела. Я же, в свою очередь, обнаружила, что работать рядом со своими бывшими напарниками мне легче, чем разговаривать с ними, и с удовольствием занялась привычным делом. Все правильно. В конце концов, им мой Дар нужен, а не мои разговоры.

Когда все было готово, а день подошел к концу, мы разделились и разошлись по дому, измеряя температуру воздуха, вживаясь в царящую здесь атмосферу. Исключением был Киппс. Он по дому не ходил, сидел себе, по-турецки поджав ноги, на кухне внутри железного кольца, пил какао и читал газету. Без своего Дара для каких-либо экстрасенсорных дел он стал совершенно непригоден.

Первым делом я отметила для себя, что дом Гаппи был маленьким. Четыре небольших помещения на первом этаже – холл, кухня, столовая и гостиная. На втором этаже – длинная узкая лестничная клетка, по краям ее две спальни, между ними ванная комната. Под лестницей – каменные ступени, ведущие в облицованный бетоном подвал. Да, еще чердак – не застланный половыми досками и совершенно пустой. По конструкции дом довольно современный, с тонкими, как лист картона, стенками и двойными стеклами в оконных рамах. Всю мебель из дома вывезли, все украшения убрали. Никаких потайных уголков, и полная тишина в экстрасенсорном смысле. Джордж переходил из комнаты в комнату и тоном конференсье объявлял, какая именно часть несчастного мистера Данна была обнаружена в этом месте. Но, несмотря на эти жуткие

подробности, все в доме оставалось тихо. На удивление тихо.

Несмотря на мрачную репутацию дома, чувствовали мы себя в нем достаточно уверенно. Девять небольших помещений, нас пятеро, мы хорошо вооружены и постоянно сталкиваемся друг с другом, переходя из комнаты в комнату. Никто никого не теряет из виду больше чем на несколько секунд. До ближайшего железного кольца из цепей лишь несколько шагов. Все это очень поднимало дух и внушало уверенность.

Однако день еще не совсем закончился, и что-то будет ночью, пока никому не известно.

Меня заинтересовала кухня. Исходя из того, что здесь происходило, она должна была стать основным источником экстрасенсорной энергии. Я долго простояла здесь, прислушиваясь, вглядываясь в старомодную обстановку, изучая деревянные разделочные столы, под которыми разместились горчичного цвета кухонные шкафчики. Рядом с широким окном примостилась на своих длинных тонких ногах металлическая, вся в каких-то темных пятнах, раковина.

Стены оклеены обоями с коричнево-оранжевыми цветочками, пол застлан коричневым линолеумом. Было заметно, что линолеум приподнимали – это сделали много лет назад те, кто проводил здесь расследование. Кладовка для продуктов в углу кухни стояла пустой, на полках сохранились круглые темные следы от когда-то стоявших здесь банок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/straud_dzhonatan/kraduschayasya-ten

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)